

ЭКСПАНСИЯ

[УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН]

ЗАЩИТНИКИ ЛЮДЕЙ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Антон
КОРНИЛОВ

Урожденный дворянин

Роман Злотников

**Урожденный дворянин.
Защитники людей**

«АСТ»

2014

Злотников Р. В.

Урожденный дворянин. Защитники людей / Р. В. Злотников —
«АСТ», 2014 — (Урожденный дворянин)

Несколько лет тому назад он явился в наш мир оттуда, где жизнь по Закону и Совести есть абсолютная норма. Где «вор сидит в тюрьме», а элиту власти составляют единственно люди Чести и Долга. Где каждый подданный великой Империи привычно уверен в том, что важен и ценен своему Государю и своему народу. Его зовут Олег Гай Трегрей, и он убежден, что ему вполне по силам изменить этот мир в соответствии с принципами своей Родины. Потому что он знает, как должно быть.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Роман Злотников, Антон Корнилов

Урожденный дворянин. Защитники людей

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

© Р. Злотников, А. Корнилов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Пролог

Они спустились в ущелье. Туман здесь был белым и ослепляюще густым, как остановившаяся метель; он лип к лицам мокрой простыней.

Их было пятеро: четыре бойца разведподразделения девятого штурмового императорского полка и проводник из недалней горной деревеньки, юркий мужичонка с оливковыми девичьими глазами, с невероятно густой и длинной черной бородой, надоедливо разговорчивый.

Уже второй час он изводил капрала Иона бесконечными рассказами о том, как замечательно жил его народ до вторжения войск Федерации и как туго ему, народу, приходится теперь. И о том, насколько все было бы ужаснее, если б не Империя, протянувшая его Отечеству братскую руку помощи. Дурной какой-то попался проводник, ненормально беспечный. Мало того, что трепался без умолку, так еще и – почти в полный голос. После очередного замечания переходил на шепот, но спустя уже несколько минут снова прибавлял громкости. Хорошо еще, что идти оставалось всего ничего...

Капрал молчал и заставлял себя не злиться. Он был простой солдат, и суждения его были просты. «Кто ж вам виноват, братцы? – так думал он. – Куда ж вы раньше-то глядели, когда Президент ваш за немалый куш позволял Федерации строить в Голубых горах рудники? Как и Президент, глядели в свой карман, куда чужеземцы цедили вам жалованье за работу в тех самых рудниках. Собственными руками нутро своей земли выколачивали. Потом-то одумались, конечно, нашлись среди вас те, кто сумел разъяснить, что к чему... И что с того вышло? Президент со всеми своими семнадцатью женами и бесчисленным потомством вот уже полгода как наслаждается тропическим солнышком на одном из безмятежных южных островов. А Федерация ввела в ваше Отечество войска. Чтобы, значит, спасти несчастный обездоленный народ от кровавого кошмара междоусобной смуты...»

Приглушенный туманом стук покотившегося со склона камешка враз оборвал ход мыслей капрала. Обычно камешки просто так, сами по себе, в движение не приходят... Ион замер на месте, одну руку предостерегающе подняв вверх, а вторую протянув, чтобы залепить рот говорливому проводнику...

Проводник исчез.

Попросту растворился, неслышно нырнув под сырой полог тумана.

Капрал прижал зубами мгновенно рванувшееся из горла ругательство. Чтобы принять решение, ему понадобилось несколько мгновений. Впрочем, особо раздумывать здесь не приходилось – выбор вероятных действий не был широк. Наверняка оба выхода из ущелья перекрыты. Поэтому отходить – не менее губительно, чем продолжать двигаться в заданном направлении. Будь он проклят, этот проводник!

Оставалось лишь одно – прорываться с боем.

– *Ярь!* – негромко скомандовал капрал.

На подготовку ко входу в особый боевой режим, именуемый *ярью*, бойцам достаточно было трех-четырех секунд. Но едва Ион отдал приказ, снова заклацало по камням тропы, уже совсем рядом, всего в нескольких шагах за спинами солдат. На этот раз точно не случайный булыжник, сорвавшийся сверху из-под подошвы вражеского ботинка, – клацанье было звонким, металлическим.

– Ложись! – взревел капрал и сам бросился ничком, зажмурившись, закрыв ладонями уши.

Громыхнуло тяжело и страшно, твердь подпрыгнула, подбросив вжавшиеся в нее тела. Над головой Иона певуче просвистели осколки. Тропа еще дрожала, сыпались еще сверху камни, когда полуоглохший Ион вскочил на колено, сочно лязгнув затвором ладно влетевшего в руки

автомата и выпустил веером длинную очередь в блекло замаячившие в тумане человеческие силуэты.

И тут же катнулся в сторону, припал к земле, пустил еще одну очередь. Вновь сменил позицию. И улучил мгновение, чтобы обернуться:

– Парни, как вы?..

– Бо-ольно-о... – протянулся подрагивающий стон.

Капрал узнал голос – парнишка-рядовой, взятый на боевую вылазку впервые. Зовут его... Имя парнишки почему-то вылетело из сотрясенной взрывом головы Иона.

Со стороны противника дробно застучали накладывающиеся одна на другую автоматные очереди.

– Кто еще ранен? – сдавленно прокричал-прошипел капрал.

И тут снова грохнуло...

Иону показалось, что кто-то невероятно сильный схватил его за ноги, раскрутил и швырнул о скальную стену ущелья. В лавине камней скатился капрал обратно на тропу.

Кажется, на какое-то время он потерял сознание. Придя в себя, первым делом пошарил руками в поисках оружия. Ничего, только камни. Ион открыл глаза. В туманном мареве, рвано затененном плавающими клочьями дыма и пыли, суетились – совсем рядом с ним – несколько солдат Федерации в серых маскировочных куртках. Вот один вдруг метнулся в сторону, опустил короткое дуло автомата к заваленной булыжниками тропе (Ион запоздало заметил там, между камнями, едва шевелящегося человека). Солдат настороженно наклонился к телу, долгих десять секунд внимательно рассматривал его, даже потрогал лежащего, потормошил... И, выпрямившись, безнадежно покачал головой, вытирая окровавленную ладонь о бедро. И дал три одиночных выстрела. Трижды конвульсивно дернулся застреленный. Капрал со странной отстраненностью подумал о том, что он не узнал и, должно быть, никогда уже не узнает, какой именно боец из его группы только что сорвался из жизни в равнодушное небытие.

В поле зрения Иона появился давешний чернобородый проводник. Один из солдат Федерации держал гадину за шиворот, а тот, извиваясь, визжал что-то неразборчивое, показывая на пальцах: «Четверо! Четверо!..» Солдат затоптался на месте и, развернувшись к Иону, вдруг застыл. Под широким козырьком форменной кепи сморщилось скуластое запыленное лицо, блеснули в ухмылке зубы, отчего-то показавшиеся капралу неестественно белыми и длинными. Еще трое в серых куртках с короткоствольными, точно игрушечными, автоматами заметили, куда смотрит их товарищ, подошли поближе. Ион услышал радостное восклицание на чужом языке.

Капрал догадался, что его, единственного выжившего из группы, не собираются убивать прямо сейчас. Его хотят взять живым.

Ну, это уж вряд ли, сволочи...

Он прикрыл глаза, заставив себя сосредоточиться.

Бешено забилося сердце, кровь гулко и упруго ударила в голову.

И время вдруг замедлилось – движения приближающихся врагов потеряли резкость, стали округло-плавными. словно реальность, как фильм, поставили на замедленное воспроизведение.

Иона не испугали и не удивили эти изменения. Напротив – он воспринял их с хищным восторгом, понимая, что сознание его наконец-то соскользнуло в *ярь*.

Усталость испарилась из тела, в мышцы вплелась кипучая сила. Он вскочил, расшвыривая засыпавшие его камни, – и тут же скакнул в сторону.

Враги только начали заторможенно разворачиваться, когда он настиг ближайшего. Вырвал автомат из рук и, действуя им как дубинкой, с размаху вlepил прикладом в висок обезоруженного. Приклад разлетелся осколками полированной древесины. Голова противника – взорвалась снопом кровавых брызг. Кепи, кувyркаясь, отлетело в гущу тумана.

Ион прыгнул к следующему. Ребром левой ладони разможил кадык, едва напроць не снеся голову. Перемахнув через обмякшее тело, не успевшее еще упасть, метнул автомат в очередного противника – с такой силой, что оружие, крутанувшись, вонзилось коротким стволом в грудь солдата, как длинный нож.

Четвертого (тот пытался убежать, комично увязая в пропитанном туманом воздухе) капрал без труда догнал, прыгнул на спину и с отчетливым хрустом шейных позвонков развернул его голову лицом назад.

Когда вокруг остались одни мертвецы, *ярь* повлекла Иона дальше. Вперед по тропе, к выходу из ущелья. Туда, где, по его прикидкам, располагались основные силы устроившего подлую засаду противника.

Он несясь сквозь туман, с удивлением осознавая, что тот становится все темнее и темнее. Он бежал довольно долго, но почему-то никто не попадался ему навстречу.

Стало совсем темно. Ион остановился, чтобы прислушаться и оглядеться.

Никого. Ничего.

Он сменил направление, пробежал несколько десятков шагов – но так и не наткнулся на стену ущелья. Опустил взгляд и понял, что исчезла и каменистая тропа под ногами. Теперь Ион стоял на ровной поверхности, гладкой, как асфальтовое покрытие. И уже не туман окружал его. А непроглядная липкая темнота. Капрала охватило до жути странное чувство, что он попал в совершенную пустоту. Вокруг не было ничего. Не за что было зацепиться ни взглядом, ни слуху. Он потянул носом. Только запах... Пахло почему-то нефтью.

А спустя секунду Ион сделал еще одно ошеломляющее открытие. Ион вдруг заметил, что он абсолютно голый. Причем исчезло не только обмундирование, но и жетон с личным номером, висевший на шее. И электронный компас, ремешком крепившийся к левому запястью.

Кажется, впервые в жизни капрал растерялся. Возможно, он бы и испугался в тот момент, но *ярь*, хоть и начала уже иссякать, все еще не отпускала его. Находясь в *яри*, никто не может испытывать страх.

Он двинулся дальше. Куда? Какая разница... Двигаться – даже не понимая направления и цели – всяко лучше, чем стоять на месте.

Ярь взбурлила в Ионе. Он перешел на бег.

И вскоре над головой капрала зажегся слабый огонек. Потом еще один. Потом еще... Звезды?

По голым ногам Иона хлестнуло холодным сырым ветром. Он бежал дальше, опасаясь, что, остановившись, вновь окажется в пустом и темном, пахнущем нефтью безвременье.

Внезапно откуда-то обрушился оглушающий звуковой ком; человеческие крики, выстрелы, треск и грохот переплетались в нем тесно и липко.

Ион резко остановился. Но не из-за того, что так неожиданно оборвалось беззвучие. Прямо перед ним возник мужской силуэт. Какой-то лысый грузный мужик в длинной куртке (кожаной, что ли?), расставив ноги, целил в капрала из ружья совсем не армейского вида, вроде как охотничьего...

Находящийся еще в режиме *яри* капрал не стал размышлять, откуда взялся этот мужик и что ему надо. На явную опасность Ион отреагировал адекватно и мгновенно.

Кaprал метнулся вперед и вниз, сшиб врага, изумленно ойкнувшего, с ног. И, схватив за мощный загривок, с силой приложил лицом о земную твердь, отозвавшуюся глухим ударом.

Вскочив, Ион огляделся.

Тьма превратилась в сумерки, и сумерки эти тревожно колыхались внутри громадного помещения с очень высоким потолком, сквозь дыры в котором виднелось темно-синее небо с поблескивающими звездами. Ион подумал, что оказался на территории какого-то завода, явно заброшенного. По бетонному замусоренному полу бежали рельсы, над головой переплетались

толстые трубы, тут и там закрывали обзор здоровенные – в два человеческих роста – металлические мощные конструкции... станки, вероятно...

Куда он попал? И каким образом? Что вообще произошло?

Ответов у Иона не было. Единственное, что он сейчас понимал совершенно определенно, – в этом странном месте он был не один. Отовсюду неслись крики ярости и боли. То и дело грохотали выстрелы.

Вот из-за одного из станков появился еще человек. Бритоголовый, одетый в синие бесформенные брюки и синюю же свободную куртку (одеяние это, скорее всего, предназначалось для занятий спортом), человек, размахивая большим черным пистолетом, выбежал прямо к Иону. Увидев у ног капрала распростертое тело с расплющенной головой, вокруг которой расплзалась лужа темной крови, спортсмен испустил свирепый вопль.

Конечно, он не успел выстрелить. Ион поднял ружье, оказавшееся двустволкой, взвел курки и нажал сразу на оба спусковых крючка еще до того, как спортсмен вскинул пистолет.

Двойным зарядом дробы с расстояния в шесть-семь шагов спортсмену разворотило нижнюю часть туловища. Выронив свое оружие, бритоголовый со стоном схватился за живот, погрузив ладони с растопыренными пальцами в черно-красное месиво, откуда ручьями хлестала по ногам кровь.

Ярь покидала Иона – явственно тяжелело тело, окружающий мир уже не воспринимался замедленным. Услышав шорох за спиной, капрал развернулся. Еще один бритоголовый... Высокий, светловолосый, в таком же спортивном костюме, как у секунду назад застреленного, только не в синем, а красном. Этот мужчина отшатнулся от Иона, все еще держащего в руках двустволку, хотя сам был вооружен: странного вида ружье без приклада и со стволом всего в ладонь длиной. Незнакомец, кажется, не спешил пускать свое оружие в ход. Что было весьма кстати. Патронов в двустволке не осталось, а сил, чтобы справиться с противником врукопашную, вряд ли бы уже хватило.

– Э! Э! Братан! – осторожно отводя куцый ствол в сторону, хрипло проговорил мужчина. – Все нормально! Все нормально!

Обращение «братан» несколько приободрило капрала. Он так понял, что «братан» – это зачем-то искаженное слово «брат».

– Брось волюну! – попросил блондин. – Чего ты?.. Волюну-то брось!

«Волина»? Хотя это слово Ион слышал впервые, он догадался, что речь идет о двустволке. В конце концов, кроме ружья, он ничего другого сейчас бросить не мог. Капрал разжал пальцы. Двустволка брякнула о бетонный пол.

– Молоток! – непонятно похвалил незнакомец, сам закинув свое оружие на плечо. – Ты присядь, присядь, а то вон еле стоишь...

Тело Иона, выжатое *ярью*, и впрямь ослабело чрезвычайно. После выхода из боевого режима следовало проглотить капсулу с поддерживающим препаратом, но... где теперь индивидуальная аптечка Иона? Капрал почти упал на пол. Перед глазами кружились черные пятна, сердце стучало с перебоями, кончики пальцев почти потеряли чувствительность.

Блондин в красном спортивном костюме подмигнул Иону.

– Кумарит, братан? – осведомился он. И, не получив ответа, пронзительно свистнул.

Через пару минут к Ионе подошли еще трое. Все они были вооружены: двое – пистолетами (капрал, присмотревшись, признал, что марки пистолетов ему неизвестны), третий – таким же, как у блондина, ружьем с обрезанным прикладом и стволом. Все были одеты в спортивные костюмы разного цвета. И у каждого голова обрита наголо. Ион мысленно предположил, что эти люди принадлежат какому-то неведомому ему культу, который запрещает своим адептам отращивать волосы. Но почему они так странно говорят? Он и половины не понимает!

– Я все видел, пацаны! – возбужденно вещал блондин. – Хрен его знает, откуда появился, – прямо так, голый, без волюны! Жигу завалил, бошку ему в блин превратил. Потом Болт выскочил, он Болта мочканул!

– А чего он голый? – поинтересовался один из тех, кто был вооружен пистолетом. – Глянь, его вырубает, что ли? Он под кайфом?

– А сам-то не видишь?

– Вот так стрелка получилась! – хохотнул кто-то из бритоголовых. – Не успели толком размяться, как все без нас решилось!

– Да это ж Терминатор, пацаны! Голый из будущего свалился! Надо поискать, может тут и жидкий Терминатор есть!

– Какой еще жидкий?

– Ты чего, вторую часть не смотрел? В этом году вышла. Я тебе дам кассету, там еще круче, чем в первой...

Блондин проворно присел перед Ионом на корточки, давая возможность лучше себя рассмотреть. Обладающий лицом с очертаниями строгими и очень правильными, когда-то он наверняка слыл красавцем. Но жизнь здорово похлестала его – тонкий нос блондина был заметно свернут набок, правую бровь пересекал кривой выпуклый шрам, еще один шрам белел на верхней губе, один из передних зубов оказался косо сломлен.

– Очень ты нам помог, братан, – серьезно выговорил блондин. – Четко все сработал, красиво. Базару нет, за нами должок. Ты сам-то кто будешь? Как прозываешься?

– Ион, – ответил Ион.

– Как? Иван?

Капрал не стал спорить. Кивнул. Пока ситуация не прояснится, лучше всего – поддакивать и помалкивать.

– Ломовой прям! – гаркнул кто-то рядом с капралом. – Битюг ломовой! Как Жиге-то бошку-то расплющил. Ломовой битюг!

– Здоровый, да. Эй, сколько в тебе весу? Центнера полтора?

– Я – Саня Фриц, – представился блондин. – Слыхал? Держи краба! – он протянул руку.

– Иван, – выговорил свое новое имя капрал Ион и пожал протянутую руку.

– Иван, значит... А погоняешься как? Погоняло есть?

Ион мотнул головой, постаравшись, чтобы этот жест выглядел как можно более неопределенно.

– Нету?.. А фамилия твоя как?

Ион помедлил немного. И произнес наугад:

– Ломовой...

– В натуре?! – обрадовался мужик, сравнивший капрала с битюгом. – Во я угадал-то! Сейчас еще попробую... Воевавший, что ли? Похоже на то... Афган, да?

Капрал и этого не стал отрицать.

– А, по-моему, не только Афган, – авторитетно заявил еще кто-то. – По-моему, ты, братан, еще и в Африке успел отметиться.

– А то и Вьетнам застал, – сказал мужик с ружьем. – Вон башка-то у него седая почти вся. И усы – будто его в мешок с мукой макнули. Во Вьетнаме-то успел побывать, братан?

– Всюду успел, – уклончиво ответил Ион.

– А звание какое? Небось, полковник?

– Капрал, – сказал Ион.

– Какое? Нет такого звания в армии! А то я не служил, не знаю...

– Раньше было, – объяснил мужик с ружьем, видимо, наиболее эрудированный из всех. – Еще при царе. По-современному капрал – это сержант будет.

– Сержант? – удивился тот, кто первым признал в Ионе военного. – В отцы мне годится, а еще сержант...

– Отстаньте от человека! – вступился за него блондин Саня Фриц. – Не видите, что ли, кумарит его? Давайте-ка лучше в тачану его отволоките да накройте чем-нибудь. Не май месяц. Январь все-таки...

«Январь? – стукнуло в голове Иона. – Как же так? Был ведь август...»

Часть первая

Глава 1

Вошел отец из сеней, поставил тепло пахнущее парным молоком ведро. Сказал встревоженно:

– Жень, там... к тебе, кажется...

– Кто? – спросил Женя Сомик.

– Не знаю. Не наши какие-то...

Женя обернулся к окну. Калитка, которую еще не заперли на ночь, открылась, и во дворе показались двое. Того, кто шел первым, Женя знал: видел несколько раз в администрации райцентра, даже перекидывался парой не особо значимых слов. Гейдар Асиялов, учредитель и директор ЗАО «Шалбуз», немолодой тучный мужчина с такой густой чернявой шевелюрой, что, казалось, на голову ему навечно посажена папаха. Спутника Асиялова – высокого, неимоверно широкоплечего, с густой бородой цвета начищенной меди – Женя видел впервые.

Из комнаты выглянула мать. Прижимая к груди развернутую ученическую тетрадь, беспокойно проговорила:

– Вроде как машина к нам подъехала... Жень, кто это?

– Это ко мне, – сказал Сомик. – По делам. Все нормально, мам, мы на кухне поговорим.

– Поговоришь ты!.. – с тоскливой досадой произнес отец. – Я тебе сколько пытался вдолбить – не связывайся ты с этими!.. Остался бы в городе, учился бы, работу человеческую нашел. Нет, он обратно в деревню приперся...

– Да нормально все, чего вы? – развел руками Женя.

Двое во дворе остановились у гаража, где помещалась недавно купленная Женей старенькая «газель». Асиялов что-то спросил у своего сопровождающего, кивнув на гараж. Тот коротко и, кажется, утвердительно ответил. Мужчины двинулись дальше. Через пару секунд хлопнула входная дверь, и в сенях раздался голос Асиялова:

– Хозяева, эй! Дома есть кто?

Отец, ворча, удалился в комнату к матери. А Женя распахнул дверь в сени.

– Здравствуйте, – сказал он, вдруг почувствовав, как толкнулось в груди смешанное чувство интереса и азарта.

– Женя, да? Сомик, да? Здравствуй, здравствуй, дорогой! – блеснул в полутьме сеней золотозубой улыбкой директор «Шалбуза». – Гостей принимаешь?

– Проходите на кухню, – пригласил Сомик.

На кухне Асиялов чинно уселся за стол напротив Жени. Меднобородый остался стоять, опершись задом о газовую плиту.

– Слушаю вас. Гейдар?.. – Женя вопросительно глянул на Асиялова.

– Просто – Гейдар, – нарочито добродушно махнул тот рукой. И, обернувшись к бородачу, что-то сказал ему гортанно и коротко на своем языке.

Меднобородый с ловкостью фокусника сунул руки крест-накрест во внутренние карманы куртки и извлек оттуда тонкогорлую бутылку коньяка и узкую коробку конфет. Поставил все это на стол и снова отшагнул назад.

– Стаканы есть, Женя? – осведомился Асиялов. – Давай выпьем за встречу, как полагается...

Сомик достал два стакана, предположив, что бородач в распитии коньяка участвовать не будет. Директор ЗАО «Шалбуз» подтвердил это предположение одобрительным кивком.

– Только недолго, – холодно-важно предупредил Женя, пока Асиялов разливал коньяк. – Мне вставать завтра рано.

– Такой человек к тебе пришел! – тут же – точно дожидаясь подобной реплики от Жени – громко прогудел бородач. – Такой уважаемый человек! И сам пришел! А ты... Нехорошо, слушай!..

– Зачем так, Женя, э? – с подчеркнуто мягкой укоризной проговорил и Асиялов. – Ты молодой совсем, года полтора как из армии вернулся... почему так разговариваешь, э? Я же с тобой, как с братом...

– Понимать надо, ну! – прямо-таки с болью в голосе присовокупил меднобородый.

– Ну, хорошо, хорошо... – бормотнул Женя.

Чувство вины, чуть коснувшееся его, растаяло бесследно после мгновенно пришедшего понимания: на то и был расчет его собеседников – с самого начала найти повод качнуть равновесие, навязать ему позицию заведомо неправого.

Выпили.

– Давай еще, Женя? – предложил Асиялов. – Не отказывайся, обидишь...

– Гейдар, – сказал Сомик, – вы же не коньяк ко мне пить приехали, верно?

Бородач зацокал, трагически воздел руки к потолку, демонстрируя степень обиды совершенно неопишущую. Но директор ЗАО «Шалбуз» не посчитал нужным и дальше вести первоначально избранную линию.

– Да, – согласился он. – Не коньяк... Разговор у меня к тебе есть, Женя.

– Слушаю вас.

– Ты меня знаешь, да? – заговорил Асиялов. – Я – чем занимаюсь? Я людей вожу. Из райцентра в город. Не в автобус же им набиваться... который не каждый день даже и ходит, правильно? А у меня восемь «газелей», все летают как ласточки. И всем людям места хватает, все довольны. Проезд суточные копейки стоит. Любого спроси, хоть в райцентре, хоть в своей деревне, ни у кого ко мне претензий нет. И не может быть. Потому что, Женя, я нужное дело делаю. И хорошо делаю. Так?

– Безусловно, – не стал спорить Сомик. – Только...

– Что «только»? – всполошился Асиялов. – Что «только»?

– Ваши «газели» в райцентре полный салон набивают и везут в Саратов, – начал объяснять Женя. – Останутся свободные места – подсаживают кого-нибудь из деревень, через которые проезжают. А не останутся – не подсаживают. Да и не через каждую из окрестных деревень маршрут ваших «ласточек» лежит. Так вот и приходится людям в райцентр добираться, чтобы оттуда в город уехать.

– Ну, дорогой... – поднял густые брови Асиялов. – Не могу же я к любому, кто пожелает, прямо ко двору подъезжать...

– А я могу, – просто сказал Женя. – Понимаете, Гейдар, ваше предприятие клиентский рынок целиком не охватывает. Потому я и посчитал возможным... занять, так сказать, потребительскую нишу...

– Какую еще нишу-мишу! – внезапно осердился бородач. – Ты слушай, что тебе человек говорит!..

– Женя, ты нехорошо поступаешь! – повысил голос и директор «Шалбуза». – Реально тебе говорю – нехорошо! Ты на мое поле лезешь, так серьезные люди бизнес не делают. Не принято так! А мне детей кормить надо, родню кормить надо, водителям зарплату платить...

– Да на здоровье, – пожал плечами Женя, про себя удивляясь напору Асиялова. – Я-то вам чем помешать могу? Ну, в крайнем случае, потеряете двух-трех клиентов. От «Шалбуза» не убудет.

Меднобородый с глухим присвистом проговорил что-то непонятное. Кажется, выругался.

– Ты правда, что ли, не понимаешь, Женья? – даже поморщился, вроде как от бессилия объяснить очевидное, Асиялов. – Я тут людей вожу, я! Я! Это – мое дело! И если каждый у меня под ногами мешаться будет... нехорошо будет... – закончил он с такой интонацией, чтобы уж не возникло сомнений – кому именно будет нехорошо.

– Угрожаете?

– Зачем угрожаю, э? – всплеснул руками директор «Шалбуза», сразу смягчив тон. – Я тебе предложение делаю, Женья. Иди ко мне на зарплату. Машина твоя, бензин мой, ремонт мой. Ты ж в кредит брал свою «газельку», да? Так у меня ты его мигом отобьешь, кредит этот. Зарабатывать будешь... – Асиялов смачно чмокнул сложенные щепотью пальцы, – во как! А если проблемы у тебя какие возникнут, в дороге или еще какие-нибудь... Ты Казима Адамовича знаешь, конечно?

– Знаю, конечно. Асиялов Казим Адамович. Начальник отдела полиции в райцентре.

– Он враз все порешает, если что.

– Он ваш... дядя, кажется?

– Брат. Родной брат. А дядя – это Джамил Дмитриевич. Который в Клещевке дом выстроил недавно. Какой человек! Э! Заслуженный врач! Всю жизнь людей спасал, а теперь на покой ушел. Из города в нашу глушь переехал, к семье.

– Большая у вас семья... – чуть улыбнулся Сомик.

– Большая, Женья, – с гордостью подтвердил Асиялов. – И все – люди уважаемые, серьезные. Всего сами добились, всегда для народа работали... Ну как, Женья? По рукам?

– Нет, – ответил Сомик.

– Как «нет»? – не поверил Асиялов. – Подумать надо?

– Не надо мне думать, – усмехнулся Женья. – Что мне надо, я обдумал уже. У вас все, Гейдар, или... еще какое предложение ко мне имеется?

Меднобородый вдруг с силой ударил себя ладонями по бедрам и разразился громогласной тирадой, ни слова из которой Сомик не понял.

– Потише, – попросил Женья. – Мама в соседней комнате занимается – тетради проверяет.

Асиялов обернулся к бородачу, и тот смолк.

– Все у вас, Гейдар? – снова спросил Сомик.

И тут с директором ЗАО «Шалбуз» случилась странная штука. Он вдруг начал разбухать, как надуваемый шар. Щеки Асиялова надулись и побагровели, глаза выпучились, шапка волос заколыхалась. Женья даже несколько обеспокоился за своего гостя...

Асиялов громко и длинно выдохнул. И поднялся.

– Подумай, Женья, – сказал он чуть сдавленно, – как следует подумай. Завтра-послезавтра жду тебя у себя в конторе. Подумай. А то... нехорошо будет.

Он вышел, и следом вышел его меднобородый сопровождающий. Убрав стаканы и бутылку со стола, Сомик направился во двор, чтобы запереть на ночь калитку.

* * *

Этот разговор состоялся в четверг. А в воскресенье поздним вечером на телефон Жени Сомика, завернувшего по делам в соседнюю деревеньку, поступил звонок. Звонил отец Жени.

– Слушай, тут опять эта машина... – голос отца снова явственно отдавал тревогой. – На которой к тебе... эти приезжали. Остановилась у двора, постояла, потом дальше поехала. Потом – гляжу – возвращается малой скоростью. Сейчас опять у двора стоят. Говорил же я тебе...

«Вот настырный сукин сын», – ругнулся про себя Женья по адресу Асиялова. А вслух сказал:

– Сейчас буду. Они что – стоят просто? К вам не пытались зайти?

– Вообще из машины не выходят. Ты быстрее давай, – сказал отец и отключился.

Сомика точно сквозняк по ногам протянул. Он вскочил в дряхлый отцовский «жигуленок», дал задний ход, бросив машину в липкую осеннюю темноту от ярко освещенных желтым домашним светом окон. Резко вывернул на дорогу.

На свет под окна нетвердо ступил косматый мужичок, нежно, как младенца, прижимающий к груди толстый рулон ткани.

– Материальчик-то какой! – бормотал мужичок, икая. – Как раз для сидений... Пассажиры твои точно в люле спать будут. Э, Женек?! Куда ты?..

Ничего этого парень уже не слышал. «Жигуленок» вынес его на пустынную трассу, освещенную только неприятно-жестяным лунным светом. Один поворот – и сквозь лесопосадочную полосу задрожали, приближаясь, огни родной Сомику деревни. Женя увеличил скорость.

Не отрываясь от управления автомобилем, он набрал номер отца. Тот не отвечал. Женя позвонил матери – с тем же результатом. Тогда он – яростно оскалившись – вызвал другого абонента. На этот раз трубку взяли уже после второго гудка.

– Охранное агентство «Витязь», – сказали Жене.

– Будь достоин! – крикнул Сомик в трубку. И услышал ответ на свое приветствие:

– Долг и Честь!

Эта фраза не то чтобы успокоила Женю, но придала ему уверенности.

– Двуха, ты, что ли? – узнал он голос.

– Я, Сомидзе! – хохотнули в трубке. – Здорово, клиент!.. Погоди... – тут же сбился он с радостного тона. – Не просто так звонишь ведь? Что-то случилось?

– Случилось, – коротко подтвердил Женя.

– Понял, выезжаем, – так же коротко ответили ему. – Все так серьезно? Сам не справишься?

– Справлюсь, конечно. Но у этих гадов поддержка со стороны органов.

– Выезжаем, – повторил Двуха. – Адрес твой?

– Да.

Через пару минут под капотом «жигуленка» что-то гулко затрещало. А потом двигатель смолк – и во внезапно обрушившейся на Женю тишине стал слышен только мокрый шелест протекторов по асфальту.

Сомик не нажал педаль тормоза – чтобы не допустить даже малейшего промедления. И ждать, пока автомобиль остановится, тоже не стал. Он выкатился из салона; мгновенно сгруппировавшись, несколько раз кувыркнулся через плечо, вскочил на ноги и бросился бежать в том же направлении, в котором и ехал. «Жигуленок» тяжело подпрыгнул на выбоине, мотнулся в сторону, съехал в кювет и, с треском ткнувшись во что-то в темноте, замер окончательно.

А Женя бежал, разгоняясь постепенно, но неуклонно. Казалось, вот-вот он все-таки снизит скорость, сделает несколько шатких шагов и остановится – согнувшись, уперев руки в колени, хватая ртом воздух, жадно дыша... Но ничего подобного не происходило. Женя продолжал ускоряться, дыша при этом неглубоко и размеренно. Минуты через три-четыре он уже бежал примерно с той же скоростью, с которой мчался на автомобиле. Ног его теперь почти не было видно в разбавленной лунным светом полутьме – только мутно мелькало что-то неуловимое под туловищем.

Еще минут через десять он уже был в родной деревне.

* * *

– Надевайте, – водитель, не оборачиваясь, кинул через плечо черный тряпичный комок, который, распавшись, оказался парой масок-шапочек, тех самых, с прорезями для рта и глаз, называемых балаклавами.

На заднем сиденье помещались двое парней. Один из них, обритый наголо, но с аккуратно подстриженной бородкой, поднял маску, брезгливо покрутил ее на пальцах.

– На кой черт она нужна вообще? – осведомился он. – Не люблю я эти штуки: неудобно в них и башка потеет.

– В самом деле – может, без них, а? – поддержал бритоголового второй парень. Судя по гнусавому голосу и беспрестанно шмыгающему красному носу, этот пассажир страдал жесточайшим насморком. – Я и так дышать едва могу.

– И потом: есть смысл скрываться? Вся деревня уже, наверное, в курсе – кто мы и зачем мы. К тому же темень такая, все равно никто ничего не увидит. И почему нормально через калитку нельзя войти? Охота больно по грязи на задний двор шлепать... Что за идиотская конспирация?

– Как Гейдар сказал, так и будем действовать, – отрезал водитель. Он протянул еще одну маску-шапочку сидящему рядом с ним молчаливому, удивительно низкорослому крепышу. Тот, не прекословя, тут же надел балаклаву, полностью натянул на лицо. После этого крепыш достал из кармана черные тонкие нитяные перчатки и надел их тоже.

– Чего ждем? – подняв взгляд на зеркало заднего вида, спросил водитель. – Маски напялили! И вперед – действуйте! Этого самого Жени дома нет, там старики одни, так что... ничего сложного.

Трое покинули автомобиль. Не торопясь, направились в обход дома. Идя рядом друг с другом, они теперь очень напоминали семью, нарядившуюся в грабителей на какой-нибудь маскарад: рослый бритоголовый парень – папа, его более субтильный, страдающий насморком товарищ – мама; а в полтора метра ростом молчун-крепыш, поспевающий за ними, – соответственно – сынуля.

Уже просовывая руку между деревянными планками ограды, чтобы поднять засов калитки, бритоголовый поинтересовался у товарищей:

– Собаки точно нет?

– Нет, нет, открывай, – прогнусавили ему в ответ.

– Короче, как всегда, – по-хозяйски распахнув калитку, продолжил бритоголовый, поправляя маску на лице. – Мы с Русланчиком к гаражу, работаем там, а Немой страшует. Так?

Крепыш – это его, судя по всему, звали Немым – молча кивнул. Русланчик же вместо ответа нарочито громко и без стеснения чихнул:

– Апчх-уй!.. – и добавил. – То есть – да, так...

– Пошли, – сказал бритоголовый.

Чтобы добраться до гаража, надо было, миновав задний двор, пройти мимо дома. Когда все трое – поравнялись с крыльцом, вспыхнул яркий фонарь, и дверь в дом распахнулась. На пороге возник Сомик-старший:

– А ну, пошли отсюда! – выкрикнул он, очень стараясь, чтобы его голос звучал внушительно и громко, и взмахнул зажатым в кулаке мобильником, словно каким-то оружием. – Вон отсюда! Я уже в милицию позвонил!

– Дозвонился? – весело поинтересовался бритоголовый, чуть приостанавливаясь и щурясь от неожиданного света.

Тон его явно сбил с толку Сомика-старшего:

– Н-нет...

– Это потому что ты в милицию звонил, – доброжелательно объяснил бритоголовый. – А надо было в полицию.

Русланчик приподнял маску, обнажив лицо до носа, и снова чихнул.

– Во, правильно говоришь, – хмыкнул он, утираясь рукавом. – Немой, разберись...

Двое в масках двинулись дальше, более не обращая внимания на растерянно замолчавшего мужчину. А Немой, одним прыжком взлетев на крыльцо, нанес Сомику-старшему, не

успевшему даже попятиться, сокрушительный удар под дых. Тот задохнулся, выронил телефон, согнулся пополам... Немой наотмашь хлестнул его открытой ладонью по затылку, подставив под лицо мужчины колено. Сомик-старший свалился набок, заливая крыльцо кровью из разбитого рта.

Немой перешагнул через него и вошел в дом. Миновав сени, он остановился, чутко прислушиваясь. Затем совершенно неслышно скользнул в одну из комнат, посреди которой стояла, зажав рот обеими руками, немолодая женщина в домашнем халате и шали, наброшенной на плечи. Прежде чем она успела отнять руки от губ и вскрикнуть, Немой ударил ее ногой в живот. Женщина упала ничком, мгновенно обмякнув, – точно удар разом вышиб из нее всю жизнь.

Немой замер еще на несколько секунд, напряженно внимая тишине в доме. Потом, кивнув самому себе, снова двинулся с места. Шагнул к серванту, принялся открывать одну за другой створки, выдвигать ящички... Действовал он очень быстро и умело, не допуская ни одного лишнего движения. Не прошло и полминуты, как он перешел в другую комнату – в спальню. Но, едва открыв шкатулку на прикроватной тумбочке, Немой снова застыл.

Глаза его остро заблестели в прорезях маски, тело хищно напряжилось.

В доме мерно колыхалась под ритм ходиков, тикающих где-то в соседней комнате, тишина. На улице – было слышно через растворенные окна – негромко и деловито переговаривались Русланчик с бритоголовым, чем-то побрякивая и постукивая.

Но все же Немого не отпускала настороженность. Что-то изменилось – не услышал, а почувал он. Что-то стало не так.

Не колеблясь, он оставил шкатулку и бросился к входной двери, которую, войдя в дом, закрывать за собой не стал.

На крыльце все было в порядке. Мужик, хозяин дома, все-таки сумев приподняться, сидел теперь, раскинув ноги и привалившись спиной к стене у самой двери. Морщил залитое кровью, начавшее уже распухать лицо, глухо постанывал, кривясь на правый бок.

От гаража несло пронзительной химической вонью.

Только Немой бросил в сторону гаража взгляд – оттуда показались бритоголовый и Русланчик, оба без шапочек-масок. Русланчик отшвырнул в сторону какую-то пластиковую бутылку, вытер лоб тыльной стороной ладони и, шумно высморкавшись, поделился с бритоголовым:

– Курить охота...

– Не вздумай, – проворчал тот. И обратился к Немому:

– Ну, как там у тебя? Нормуль? Все, сейчас сваливаем... Эй, ты чего?..

Бритоголовый раскрыл рот, когда увидел, как Немой, крупно вздрогнув, резко развернулся к заднему двору, полностью утонувшему в непроглядной темноте. Бритоголовый невольно посмотрел в том же направлении, но ничего, конечно, не увидел.

– Сейчас уходим, как пришли, через задний двор, – удивляясь про себя поведению Немого, сказал он. – Только быстро. Эх, надо было тачку туда подогнать, да жаль, не проедешь. Грязища...

– Слышь, дайте кто-нибудь огня! – долетел от гаража беспечный голос Русланчика. Держа смоченную чем-то тряпку, он щелкал дешевой зажигалкой, высекая только крохотные безвредные искорки.

– Туда нельзя, – не оборачиваясь, глухо выговорил Немой. – Вольту приготовь.

– Что? – не понял бритоголовый. – Зачем вольты-то? В кого мне шмалить?

– Получилось! – возликовал Русланчик, которому все же удалось высечь из своей зажигалки робкий синий огонек.

Он поднес зажигалку к тряпке – и она моментально вспыхнула.

– Бежим на раз-два-три! – оповестил Русланчик, держа горящую тряпку на вытянутой руке. – Раз!..

Немой вдруг взвизгнул и чуть присел – готовясь то ли прыгать, то ли бежать.

Он не успел сделать ни того, ни другого.

Темнота заднего двора ворохнулась и извергла из себя... какую-то зверюгу, громадную и нечеловечески стремительную. Эта зверюга в два длинных скачка оказалась на крыльце, обрушилась на Немого, скрутила его, скомкала – и с невероятной силой отшвырнула прочь от себя. Бритоголовый только и успел, что отследить ошеломленным взглядом, как Немой, несколько раз перевернувшись в воздухе, грохнулся навзничь прямо ему под ноги.

– Два... – ослабевшим голосом выговорил Русланчик по инерции. И выронил охваченную пламенем тряпку.

Бритоголовый моргнул, протер глаза. Никакой зверюги не было. На крыльце стоял, широко расставив ноги и тяжело дыша, обыкновенный парень – крупный, светловолосый, растрепанный. Типичный деревенский увалень с широким, слегка конопатым лицом. Только вот, как выяснилось, передвигаться этот увалень умел с изумляющей скоростью. И силой обладал необыкновенной.

– Стреляй! – прохрипел Русланчик.

– Стреляю! – эхом отозвался бритоголовый и поднял пистолет.

Парень тут же пригнулся. И, ухватив избитого Немым мужчину, с невиданным проворством исчез в проеме открытой двери.

– Дергаем отсюда! – вскрикнул Русланчик.

Бритоголовый был полностью согласен. Он наклонился, чтобы помочь Немому подняться, взял его под мышки. Немой страшно застонал, дрыгнул левой ногой. Правая нога была, кажется, перебита. Руки, видимо, тоже серьезно повреждены – болтались безвольными плетями. Бритоголовый протащил Немого несколько шагов – тот еще раз отчаянно взвыл и обмяк. Русланчик возился с засовом калитки, который почему-то не поддавался.

– Помоги, что ли! – сдавленно возопил бритоголовый. – Тяжелый, сволочь... хоть и корытшка...

Засов, шелкнув, открылся. Вдвоем налетчики выволокли бесчувственного товарища за калитку. У самого автомобиля Русланчик вдруг спохватился.

– Самое главное-то забыли!

Он, пригибаясь, вернулся во двор. Со страхом поглядел в сторону крыльца. Потом схватил тряпку, которая уже догорала. Сказал:

– И три! – и швырнул тряпку в открытую дверь гаража.

* * *

– Как ты? – выдохнул Женя в лицо отца.

– Жить буду... – трудно выговорил тот, непривычно подшепывая. – Зубы последние вышибли... гады. Нутро... отбили... Женек, там мать же! В доме! Этот упырь в дом проходил...

Сомик бросился в комнаты. Маму он нашел наполовину вползшей на диван. Она не стояла. Только часто-часто дышала, полускрыв глаза.

– Все нормально... – тихо сказала она, когда Женя помог ей улечься. – Только больно...

Женя выпрямился. На какое-то короткое время он утратил самообладание. На глаза навернулись слезы. В голове поднялась какая-то огненная метель:

«Скорую! Скорую? Какую, к дьяволу, скорую?! Из райцентра врачи ночью не выезжают. Из города вызывать?... Бесполезно...»

– Фельдшеру надо позвонить, дяде Мише, – услышал Женя. Это отец, держась рукой за стену, шел к ним. – Где-то мой телефон был...

«Дядя Миша же через дом живет!»

И тут за окном что-то тяжело грохнуло – словно обрушился с небес на землю груженный щебнем самосвал. Темная комната ярко осветилась неровным красным огнем.

– Гараж... – почему-то совсем безразлично констатировал отец.

Не теряя больше времени, Женя позвонил дяде Мише и выскочил во двор. Из открытой двери гаража рвались длинные извивающиеся языки пламени. Где-то в соседних домах закричали сразу в несколько голосов.

«Газель» пропала, – механически подумал Сомик. – Гараж тоже. И черт с этим со всем. Хорошо, далеко от дома стоит, дом не загорится... Главное – отец с матерью...»

Пошатываясь (начали гудеть и наливать тяжестью ноги), он вышел за калитку. В иззубренном, разрывающем темноту, неестественно ярком свете пожара он увидел, как бегут к дому люди.

«Потушат...» – мелькнула необязательная мысль. И тотчас ее тяжелой плитой расплющила мысль другая.

– Что же они... – сказал сам себе Сомик, – так и уйдут?.. Нет, твари...

Он качнулся вперед и пошел быстрее. Поднялся на дорогу. И перешел на бег. Удивительно, как скоро ход его рассуждений стал конструктивен и трезв.

«Этого коротышку я поломал основательно. Следовательно, ему срочно требуется медицинская помощь. Куда его повезут?..»

И спасительным маяком блеснул так необходимый сейчас ответ. Ну, конечно!..

Женя резко свернул с дороги и припустил мимо домов, палисадников... через покрытый сухой щетиной бурьяна пустырь – к поблескивающей серебряной рыбкой спящей речке. Выхватил телефон из кармана.

– Двуха?!

– Я, Сомидзе! Мы мчим, как там у тебя?..

– Все меняется! Ко мне домой не надо, там... там ваша помощь уже не нужна. Подъезжайте в соседнюю деревню, в Клещевку. Я объясню, как добраться...

– Говори, я слушаю.

– ...и на самом краю деревни, прямо у леса, большущий домина, – закончил объяснения Сомик. – Трехэтажный, мимо не проедете, другого такого во всей округе нет.

– И что в этом трехэтажном?

– Эскулап один живет... Член многочисленной семейки моего хорошего знакомого. Гейдара Асиялова. Хороший, говорят, человек, отзывчивый. Даже ночью принять может – если кого из своих привезут... А я вас на месте уже, наверное, ждать буду. Я короткую дорогу знаю...

– Понял. Ты... осторожнее там.

Выбросив телефон, Женя с разбегу прыгнул с берега в реку.

* * *

– Больно-о-о... – тянул Немой, не открывая глаз, – больно-о... Быстрее, пацаны... Быстрее в больничку-у... Помираю. Падлой мне быть, пацаны, помираю-у...

– Ишь ты, разговорился как, – негромко заметил, повернувшись с переднего сиденья, бритоголовый. – А то молчал все... Быстрее нельзя. Дорога дерьмовая. Еще перевернемся, чего доброго.

– Позвоночник хоть цел у него? – подал голос водитель, до того ошарашенно молчавший.

– А хрен его знает, – сказал Русланчик. Он сидел вместе с Немым сзади, держал его голову у себя на коленях. – Руки точно переломаны. Нога одна тоже. Прикинь, колено в неправильную сторону сгибается. Башкой еще треснулся.

– Не пойму я, как же его угораздило?

– Объясняли тебе!.. – нервно проговорил бритоголовый и снова повернулся назад. – Слышь, а что это за тип такой – этот самый Женя Сомик? Он кто – спецназовец какой-то?..

– Да нет... – помолчав, ответил Русланчик. – Но про него в деревне слухи какие-то ходят... нехорошие. Он после армии в Саратове года полтора ошивался. В какую-то организацию мутную вступил... Там его и научили... всяким штукам.

– Ничего себе! – криво и дергано усмехнулся бритоголовый. – Знал бы, ни в жисть на такую работу не подписался. А если бы этот маньяк на меня накинулся?..

– Больно-о... – ныл Немой.

– Не ссы, братуха, подъезжаем уже! – откликнулся Русланчик. – Вон она за поворотом, Клещевка. А вон и Джамилов дом. Джамил тебя живо починит. Гейдар уже отзвонился ему, он ждет, Джамил-то...

Несколько минут было тихо. И вдруг водитель, несколько раз с испугом вздернув взгляд в зеркало заднего вида, произнес:

– Парни, а что там сзади у нас?.. Что-то не пойму.

Русланчик и бритоголовый обернулись одновременно. Некоторое время всматривались в убегающее от них полотно дороги, снуло поблескивающее в лунном свете. Там мутно маячил какой-то силуэт. И странно так маячил – не отдалялся. А наоборот: кажется, догонял.

– Вот только что оно... вынырнуло из лесопосадок, – сглотнув, сказал водитель. – И... погналось...

– Да не может быть... – очень тихо сказал заметно побледневший Русланчик.

– Больно-о... – снова завел свою песню примолкший было Немой.

– Заткнись, урод! – срывая голос, рявкнул на него бритоголовый. Он тоже был бледен – так бледен, что черная бородка на его лице выглядела ненатуральной, приклеенной. – Это нереально, пацаны... Это вообще нереально...

– Бежит, – как-то деревянно проговорил Русланчик. – За нами. Догоняет. Человек, вроде бы... Это... Это – он?

– Не человек он! – заорал бритоголовый так, что все в автомобиле вздрогнули. – Не бывает таких людей! Жми, гад! – толкнул он в плечо водителя, отчего тот едва не выпустил руль. – Жми, сучара! Жми, паскуда! – уже в самой настоящей истерике завопил бритоголовый, заколотил кулаками по приборной панели.

Водитель и без того увеличил скорость. Машину затрясло. Немой завыл громче. Зато жуткий силуэт на ночной дороге стал отдаляться...

– Выберусь из этого кошмара, – непонятно кому пообещал бритоголовый, – в церкви свечку поставлю – с себя ростом...

* * *

Женя видел, как закрылись за машиной, которую он преследовал, металлические створки ворот.

Он побежал медленнее, а потом и вовсе перешел на шаг.

Ноги его, сильно потяжелевшие, гудели разогнавшейся кровью, дыхание стало сбиваться.

Человеческий организм обладает ресурсами куда большими, чем предполагают те, кто не умеют высвободить дремлющую в себе силу.

Но все же ресурсы эти – не бесконечны.

Сомик скорым шагом подошел к забору, опоясывавшему немалое пространство трехэтажного особняка, – двухметровому забору, понизу кирпичному, а сверху состоящему из металлических щитов, идущих сплошняком, без зазоров.

За забором во дворе возбужденно перекликалось множество голосов.

Женя без разбега оттолкнулся от земли, взлетел вверх, ухватился за кромку забора, подтянулся...

Автомобиль, только что въехавший во двор, стоял косо, перегораживая дорожку, ведущую от ворот к особняку. Вокруг автомобиля сустились несколько человек – давешние налетчики и еще какие-то люди, видимо, обитатели особняка. Налетчик с обритой наголо головой, порывисто, точно по какому-то наитию оглянувшись на ворота, заметил Женю. Подпрыгнул, дико заорав, как будто под ногами у него вдруг обнаружилась змея:

– Вот он! Вот он! – и вскинул пистолет.

Женя нырнул обратно, присел, укрывшись за кирпичной кладкой забора, – и очень правильно сделал. Бритоголовый, не прекращая орать, выпустил всю обойму: малая часть пуль бесследно исчезла в черном небе, остальные же выскли на поверхности металлической части ворот красные цветы искр, которые мгновенно угасли, оставив после себя аккуратные круглые отверстия.

– Большой ты, что ли, палишь тут?! – крикнул кто-то, когда смолкли выстрелы.

– Тащите стволы! – вопил бритоголовый, не слушая, лязгая дополнительной обоймой. – Все оружие тащите, что дома есть!..

Сомик, пригибаясь, побежал вдоль забора. Холодная ярость, и в этот раз поглотившая усталость без остатка, подгоняла его. Он доберется до этих тварей во что бы то ни стало – он был уверен в этом. Не останавливаясь, он двинул кулаком в металлический щит, оставив в нем внушительную вмятину.

По ту сторону забора кто-то – кажется, тот же бритоголовый – рвано вскрикнул и всадил в гудевший еще от мощного удара металл сразу несколько пуль.

– Да чего тебе от нас надо, гадина!.. – ломаным зигзагом взлетел со двора полукрик-полувизг. – Пошел вон отсюда, урод! Пошел вон! Пошел вон!..

– В полицию звонить надо! – крикнул еще кто-то. – Казиму надо звонить!..

Женя пробежал еще несколько десятков шагов и, когда истошные вопли и шум бестолковой беготни отдалились, перемахнул через забор.

* * *

Майор Казим Адамович Асиялов, начальник отдела полиции райцентра, сначала не поверил своим ушам. Это было неслыханно, невероятно – то, что ему сообщили сейчас по телефону.

– Дядя Джамил, это шутка, да? – изумленно переспросил он. И, услышав, что ни о какой шутке не может быть и речи, вдруг пришел в себя.

Уронив телефон, он вскочил с дивана, на котором только что подремывал под уютно воркующий телевизор. Топнул ногой, громыхнул на всю квартиру чудовищным матюгом – как молотом ударил по чугунной тумбе. Пустая квартира (жена и дочери пару дней назад улетели в Египет) отозвалась изумленной тишиной. На стеклянном низком столике рядом с диваном испуганно тренькнула, качнувшись, бутылка виски. Майор подхватил бутылку, стуча горлышком, наплескал себе полный стакан и осушил его до дна, натужно двигая кадыком. И на минуту застыл со стаканом в руках, дыша тяжело и сипло, медленно багровея лицом.

– Перестреляю, как собак! – неожиданно гаркнул он, швырнув стакан об пол. – Гниды оборзевшие... На кого пасть разинули!..

Меньше чем через четверть часа майор уже выезжал со двора на личном автомобиле. Карман его спортивных штанов оттягивал служебный ПМ. На переднем сиденье помещался карабин «Сайга». А Казим Адамович, ожесточенно выкручивая руль, орал в мобильный телефон:

– Дежурный! Спишь, что ли, баран?! Давай наряд в Клещевку срочно! Кто говорит?.. Вот я тебе завтра объясню, кто говорит, говноед!.. Башку в анус запихаю, если пользоваться ею не умеешь!

* * *

Женя прижался к стене дома.

Из-за угла, настороженно озираясь, вышел какой-то человек с двуствольным ружьем в руках. Его отделяло от Жени каких-то полдесятка шагов, но он его не видел и не слышал.

Сомик метнулся следом, ударом ребра ладони по прикладу – сверху вниз – вышиб оружие. Человек ойкнул и шатнулся в сторону, разворачиваясь. И когда полностью развернулся, Женя коротким тычком под ребра подбросил его в воздух. Бедолага рухнул оземь плашмя, по-лягушачьи раскидав конечности, а Сомик, переломив ружье о колено надвое, как палку, швырнул обломки себе за спину.

Автомобиль, на котором прибыли налетчики, так и стоял, перегораживая освещенную фонарями дорожку. Покинутый, с распахнутыми передними дверцами, он напоминал подбитую ворону, распластавшую крылья.

У автомобиля, вынырнув из темноты, появился еще один защитник особняка, вооруженный, правда, всего лишь бейсбольной битой. Но то ли навыки обращения с этим оружием у мужика были невелики, то ли должной степенью готовности к драке он не обладал – едва заметив Женю, он уронил биту и с воплем:

– Он во дворе! Он уже во дворе!.. – и со всех ног припустил наутек.

Сомик не стал преследовать удравшего. Он взлетел на подоконник ближайшего окна, плечом без труда отжал створку и проговорил мысленно, прыгнув в комнату:

– Нет, ребята, я уже в доме.

Комната, в которую попал Женя, оказалась обитаема. Посреди нее безмолвно застыли трое: дородный, сановного вида седовласый мужчина в домашнем халате. Из-за монументальной спины мужчины испуганно выглядывала пухлая женщина, держащая за руку заспанную девочку лет пяти, босую и в ночной рубашке.

Сомик двинулся к выходу из комнаты, намереваясь обогнуть эту скульптурную композицию, – как вдруг все ожили.

Женщина, взвизгнув, совершенно скрылась за спиной седовласого, утянув с собой и девочку. А мужчина (судя по всему, это и был хозяин дома) заговорил с сильным южным акцентом, прорежавшимся, вероятно, из-за волнения:

– Слушай, чего ты хотел? Женщин пугаешь, детей пугаешь!.. Кто так поступает? Бога совсем не боишься!.. А Бог – он все видит! Давай миром разговаривать! Чего хотел?..

– Чего хотел, сам заберу, – коротко сообщил, проходя мимо, Сомик.

Но уже на самом пороге он все-таки не сдержался.

– Бог у вас какой-то получается... не для всех, – резко развернувшись, выговорил Женя. – Вроде очередной привилегии. Кому-то его небесная защита полагается, а кто-то ее и вовсе недостоин. Так, да?

* * *

К воротам особняка подлетел забрызганный свежей грязью внедорожник. Из него сноровисто выкатились двое крепких парней. Одного из них, невысокого, чуть кривоногого, лопоухого, звали – Двуха. Это с ним Женя Сомик говорил по телефону.

– Этот дом, точняк, – произнес Двуха, с хрустом разминая шею. – А Сомидзе нашего не видно...

Тут что-то грохнуло в особняке на последнем этаже, зазвенело бьющееся стекло, и все это накрыл, как одеялом, длинный утробный вопль, переполненный ужасом.

– Зато слышно, – удовлетворенно закончил парень. И кивнул товарищу. – Борян, ну-ка...

Борян, худой, цыганисто-смуглый, шагнул к воротам и стукнул в них несколько раз кулаком:

– Эй, хозяева! Открывайте!.. А то ворота ломаем!

Внедорожник заметно качнулся, когда оттуда показался еще один парень. Был он громаден, бел лицом и черноволос.

– Ломать ворота? – гулко осведомился он.

Такая сила наполняла его голос, что, казалось, ни один человек на всем свете не усомнился бы: этому великану ничего не стоит сорвать створки ворот с петель, скомкать их в ладонях и зашвырнуть далеко за линию горизонта.

– погоди пока, Мансур, – сказал ему Двуха.

– Открывайте, эй! – ударил еще раз кулаком в металл ворот Борян.

Приближающийся рев мотора заставил всех троих обернуться.

* * *

Майору Асиялову стукнула в затылок упругая кровь, когда он в свете фар увидел троих парней, ломившихся в особняк его дяди.

– Гниды бесстрашные... – отметив, как затряслись от вспузырившегося гнева руки, как замутилось зрение, окрашивая мир в красный, выпептал он. – Все, конец вам...

Он швырнул машину в бок вражеского внедорожника, в самый последний момент, впрочем, притормозив, отчего удар вышел не особенно сильным – но все равно оказался способен откинуть машину назад и развернуть ее почти параллельно внедорожнику. Прихватив карабин, майор вывалился из салона.

Хрипя и отфыркиваясь, он выстрелил три раза подряд – почти не целясь, лишь ловя в фокус силуэты, маячившие в застилавшей глаза кровавой дымке. Только когда стих грохот последнего выстрела, он понял, что ни одной цели поразить не удалось: противник каждый раз с непонятной ловкостью исчезал с линии прицела... И вообще из зоны видимости.

– Где вы, гниды?! – взревел майор Асиялов, поворачиваясь во все стороны с карабином, как танковая башня. – А ну, выходи!

Он выстрелил еще раз – в автомобиль, на котором приехали парни. Глухо звякнуло, рассыпаясь, стекло дверцы водительского сиденья, повисло на тонком проводке боковое зеркало.

За спиной майор вдруг почувствовал какое-то движение. Он рывком развернулся – прямо напротив него стоял невесть откуда появившийся лопоухий парень. Стоял себе и почему-то улыбался, хотя ствол «Сайги» целил ему прямо в живот.

Майор и не подумал изумляться этому обстоятельству. Свирепая радость от того, что ненавистный враг наконец-то появился в пределах досягаемости, колыхнула его так, что даже прервала на миг дыхание.

Но... непонятная саднящая боль вдруг ожгла ему руки.

Казим Адамович нажал на спусковой крючок, не раздумывая.

Однако указательный палец майор толкнулся в пустоту. И руки, все еще горящие от боли, отчего-то вдруг стали легкими-легкими...

Двуха закинул отнятую «Сайгу» на плечо и открытой ладонью несильно толкнул остолбеневшего майора в лоб. Тот дернулся, откидываясь... какая-то кочка подвернулась ему под ноги, и Казим Адамович Асиялов повалился навзничь.

Впрочем, он тут же попытался встать. Забарахтался, переворачиваясь на живот, но земля внезапно поплыла под его руками, топко провалилась. Настойчивая тошнота заklubилась в горле, в голове оглушительно и ярко затрещало, как будто грянула там одновременно дюжина миниатюрных салютов, и необычайно сильная боль взрезала затылок...

* * *

– С ума сошел так бить? – вскрикнул подскочивший Борян.

– Да я легонько толкнул, – пожал плечами Двуха. – Чтоб от себя просто отстранить. А потом – да. Потом хотел прикладом в бороду садануть – вырубить... Ты гляди, какое он сафари тут устроил, беспредельщик. Короче, я его толкнул, а он взял и споткнулся.

– Хороший удар, мамой клянусь! – уважительно высказался Мансур, вышагнув из темноты.

– Да не бил я, говорю!.. Толкнул просто.

Невдалеке заплясали – вниз-вверх – быстро приближающиеся горящие буркала автомобильных фар. Заурчал, сначала тихо, а потом все громче и громче, мотор.

– Еще кто-то катит сюда, – констатировал Двуха. – Прикольно – скоро парковаться негде будет...

– Менты, – углядел Борян. – То есть, эти... как их теперь величать? Пенты, что ли?

– Господа полицейские, – поправил Мансур. – Мы их вызывали? – спросил он и сам же ответил: – Мы их не вызывали.

– И Сомик не вызывал, – сказал Борян. – Это уж точно.

– Значит, на хрен они нам сдались, – заключил Двуха.

Полицейский «бобик» резко затормозил, как только в свет фар угодил распластавшийся на земле майор Асиялов и трое парней, стоявших над ним.

Несколько секунд не происходило ничего.

Потом Двуха негромко заметил:

– Как бы они чего плохого не подумали... – и бросил карабин рядом с поверженным майором.

Залязгали дверцы «бобика», выпуская наружу четверых вооруженных автоматами патрульных.

– Все-таки подумали, – сказал Двуха, услышав разрывающий крик одного из полицейских:

– Всем лечь на землю, руки за головы!..

* * *

Приглушенно застрекотал моторчик автоматических ворот, и между раздвигающимися створками появился Женя Сомик, волоча с собою за шиворот двух мужчин. Оба пленника уныло и безвольно обвисли в руках парня и едва перебирали ногами, поспевая за ним, – и оттого Женя очень был похож на портного, выносящего к заказчикам пару длиннополых пальто.

– Еще двое в доме остались, – пояснил Сомик. – Один – водила, в туалете закрылся, не стал его оттуда выковыривать, черт с ним. А второго... затруднительно транспортировать. Ему сейчас медицинскую помощь оказывают – шины накладывают на конечности... А им не холодно? – поинтересовался он, кивнув на четверых патрульных полицейских, с потерянным видом сидящих кружком – прямо на земле – спинами друг к другу.

– И тебе привет, Сомидзе, – откликнулся Двуха, на плече которого висело сразу два автомата.

– Здорово, парни! – запоздало поздоровался Сомик.

– Не холодно им, – пробасил Мансур. – Какое там – холодно! Такие горячие ребята оказались, слушай!.. Чуть не покосили нас тут.

Женя отпустил бритоголового и Русланчика, подтолкнул их к полицейским:

– Валите туда, там вас арестуют.

Оба налетчика, не говоря ни слова и стараясь не глядеть по сторонам, рысью подбежали к патрульным. Остановились, явно не зная, что делать дальше. Русланчик натужно чихнул в сложенные пригоршни и, втянув голову в плечи, испуганно оглянулся, будто опасаясь: не навлек ли он своим неудержимым спазмом какую-нибудь дополнительную кару.

– Сидеть! – гаркнул на них Мансур.

– А это кто у вас? – осведомился Женя, углядев распростертое у внедорожника тело.

– А этот уж точно не замерзнет, – пробурчал Борян (в обеих руках он, подобно герою голливудского боевика, держал по автомату).

– То есть? – не понял Сомик.

– То и есть, – хмуро подтвердил Борян.

– Перенервничал майор, – сказал Двуха. – Кровь в башку слишком сильно стукнула.

– Так он еще и майор?

– Начальник местного оперативного отдела, как выяснилось, – кивнул Двуха.

– А... Казим Адамович... Сразу и не узнать. А что с ним случилось-то?

– Тебе ж Борян сказал. Перенервничал. Удар его шарахнул. Слишком усердно из карабина палил... Кровоизлияние мозговое, или инфаркт какой, или еще что-то... я не знаю, не силен в медицине. Начал я ему искусственное дыхание делать, да уже поздно. Сразу надо было, наверное. Эти вот гаврики налетели, с ходу палить начали... Так что с ними в первую очередь следовало разобраться. А то было бы здесь на три трупа больше.

– Круто, – мотнул головой Сомик. – Скорую вызвали?

– Едет уже из райцентра. Сначала, сволочи, даже слушать не хотели, а как узнали, к кому вызывают, – даже трубку положить забыли, так рванули собираться...

– Попали вы... – не поднимая головы, внезапно прошипел один из патрульных. – Ох, как вы попали... Асиялова грохнули... До суда не доживете, это я вам обещаю. Да за такие дела у нас знаете, что бывает?..

Борян пихнул его ногой, и тот моментально заткнулся.

– Старшим звонили? – спросил Женя.

– Звонили, – ответил Двуха. – Скоро подъедут – Олег да Никита. А как подъедут, так и сдадимся сразу.

– Кому это мы сдадимся? – обернулся к нему Мансур.

– Да вот этим и сдадимся, – пожал плечами Борян, снова несильно приложив ботинком патрульного. – Ты здесь кого-то еще из представителей власти видишь? Главное – обидчиков ты своих схватил? – обратился он уже к Сомику. – Ну и все. На горячем взял – не отвертятся. А остальное... Разберутся. Мы ж ничего такого уж чудовищного не наворотили, действовали в пределах необходимой обороны, что называется...

Сомик вздохнул. Он хотел спросить еще о чем-то, но вдруг – резко и сильно побледнев – качнулся, схватился руками за воздух. Мансур бросил к нему свое громадное тело, подставил плечо, поддержал.

– Все сядете, все! – снова не удержался все тот же патрульный. – Мы ж закон защищаем, а вы на нас...

– Это мы закон защищаем, – трудно продышавшись, выговорил Женя. – А вы – Асияловых. Борян, влепи ему еще поджопник, чтоб захлопнулся наконец! Защитничек, мать его...

Глава 2

Январь 1992-го, г. Саратов

Кричали в банкетном зале. Два голоса переплетались друг с другом: девичий, перепуганно визжащий, и мужской, свирепо взрывающийся.

Парни, расслабленно развалившиеся на полках парной, на шум отреагировали вяло.

– Бульдя лютует, – пояснил один из них, встретив удивленный взгляд Иона. – Опять шмары непонятливые попались.

– Бульдя у нас эстет, – добавил другой, усмехаясь и лениво шлепая себя ладонью по голой татуированной груди. – Как нажрется – ему чего-нибудь такого подавай...

– Мамочки-и!.. – надрывалась девица в банкетном зале. – Ой, не на-адо-о!..

Ион поднялся, толкнул дверь и вышел из раскаленной парной в комнату с бассейном. Прохладный, густо перемешанный с хлоркой воздух мгновенно окатил его с ног до головы.

– Эй, Капрал! Ты куда?! – окликнули его из парной.

Ион даже не оглянулся. Дверь в банкетный зал была открыта. И прекрасно было видно Иону, как на длинном столе посреди бутылок и тарелок неловко топчется, закрывая лицо ладонями, совершенно нагая девица. А эстет Бульдя – здоровенный бугай, тоже голый, – прыгает у стола, потный и красный, размахивает руками и орет:

– Пляши, сука! Стриптиз хочу! Пляши, говорю, тварина! Извивайся!

Видимо, тот факт, что танец с последовательным обнажением уже голая девица исполнить не сможет в принципе, Бульдю никак не смущал.

– Пляши, гадина! – выкрикнул он еще раз и, подавшись далеко в сторону, сорвал со стены тут же с треском погасший светильник. Выдрал из него длинный хвост шнура. – Будет мне стриптиз или нет, сука? – грозно спросил он и с силой хлестнул шнуром, как плеткой, девицу по ногам.

Удар оставил косой багровый след на бедре неумелой танцовщицы. Взвыв, она задержалась на столе, то приседая, то выпрямляясь, нелепо дрыгая ногами, сшибая на пол посуду.

– Не так, корова! – заревел Бульдя. – Деревня, мать твою... Возбуждай меня, сука! Чтоб кровь у меня заиграла!.. Стриптиз давай!

– Я не умею! – взвизгнула девица, безуспешно попытавшись увернуться от вновь свистнувшего в воздухе шнура.

– Стриптиз давай, пропадлина!

Она и впрямь, видимо, никакого понятия о подобного рода танцах не имела. И, хоть и пыталась угодить своему мучителю, получалось у нее скверно – смотреть на отчаянные потуги было жалко и неприятно.

Остальные девицы (всего их было пятеро, по числу отдохавших в сауне парней) жались к дальней стенке, стараясь не смотреть на происходящее – дабы не вызвать гнев Бульди на себя.

А эстет Бульдя совсем осатанел. Уронив шнур, он дернул девицу за ногу, стащил ее со стола, и перехватил за волосы, поволок к бассейну:

– Утоплю, гадина позорная!..

Капрал Ион стоял как раз на его пути. И колебаться в выборе решения не стал.

– Ослобони-ка! – прикрикнул он на Бульдю.

Тот остановился. Поднял на Иона белые от ярости глаза. Заскрипел зубами, жутко оскалясь... Но девицу все-таки выпустил. Брякнувшись на пол, она, страшась подняться в полный рост, на четвереньках проворно поползла прочь.

– Ты-ы... – хрипло вытянул Бульдя. – На меня-а?! Что ты там сказал, фуфел?

Не дожидаясь ответа, он рванулся на Иона.

Капрал встретил его прямым опережающим ударом кулака в грудь.

Бульдя отлетел обратно в банкетный зал, грохнувшись о кафельный пол, проехал по нему на мокрой от пота спине не меньше двух метров – и угодил прямым под стол. И затих там.

Позади Иона хлопнула дверь парной. Он обернулся. Парни – все трое, рослые, татуированные – высыпали к бассейну. Торчащие из-под банкетного стола ноги Бульди они углядели моментально и одновременно. А углядев, со смыслом переглянулись между собой.

– Ты, Капрал, не прав, – сказал Иону один из них. – Правильные пацаны из-за шмар друга не уродуют. Шмар везде как грязи, а вместо Бульди кто дела делать будет?

Ухватив за горлышко стоящую рядом на столике бутылку, он разбил ее об стену. Это послужило сигналом. Трое настороженно двинулись на Иона – парень с «розочкой» в руках впереди, остальные по бокам, чуть поодаль.

Кто его знает, что случилось бы в следующий момент... Тому, кто был с «розочкой», капрал, скорее всего, переломал бы кости. Двое других наверняка отделались бы полегче...

Но тут в банкетном зале появился Саня Фриц. В несколько длинных шагов он достиг комнаты с бассейном, остановился на входе. От дубленки его валил пар. Быстро оценив обстановку, Фриц гаркнул:

– А ну, стоять всем! – и вытащил из-за пазухи пистолет.

Девки завизжали. А парни на Фрица и его пистолет особого внимания не обратили. Тогда Саня вздернул ствол вверх и несколько раз выстрелил в потолок, осыпав себя осколками кафеля и белой крошкой штукатурки.

Это подействовало.

Парни остановились.

– Вы чего, гады?! – прикрикнул Фриц. – Между собой грызетесь?

– А чего он?.. – отбрехнулся один из парней. – Бульдю уработал ни за что...

– За дело, – счел необходимым пояснить Ион.

Бульдя, точно услышав, что говорят о нем, заохал, заворочался под столом.

– Бульдя сам виноват, – опутив пистолет, спокойнее уже сказал Саня Фриц. – Нажрется вечно до того, что сам себя не помнит. Сколько раз он по синьке косяки порол?..

Тоненько звякнула отброшенная на кафельный пол «розочка». Парень, таким образом разоружившийся, криво усмехнулся. Вероятно, припомнил какую-то из недавних выходок валявшегося теперь под столом товарища.

– Вот так, – подытожил Фриц. Спрятав пистолет, он обратился к Иону: – Вань, оденься, слушай... Выйди-ка, дело к тебе есть.

Саня ждал Иона в машине: громоздком, как сарай, джипе-внедорожнике, снабженном лебедкой на капоте, массивным «кенгурятником», дополнительными фарами, больше напоминавшими миниатюрные прожекторы, и прочими совершенно неуместными для города прибамбасами. «Только пулемета на крыше не хватает...» – мельком подумал Ион, усаживаясь в джип.

– Ну что, Ваня... – заговорил Фриц. – Вторую неделю с нами валандаешься, так что было у меня время присмотреться. Не в уровень тебе простым быком бегать. Согласен?

Ион кивнул. Понимать странный язык, на котором говорили эти люди, он уже более-менее научился.

– Вот и хорошо, что согласен, – хмыкнул Фриц. – Разве ты ровня этим обалдуям? Взрослый, серьезный мужик, полтинник уже давно, поди, разменял... Воевавший, обстрелянный. Если б я вовремя не подоспел, ты бы этих щеглов штабелем там уложил, да?

– Вестимо ж... – ответил Ион.

– Говорок этот твой... – Фриц цокнул языком. – Никак не привыкну. У вас в Сибири все так говорят, что ли?

Ион согласно кивнул. Как-то в неловкий момент, когда допытывались у него, откуда он родом, один из спрашивающих предположил: «Из Сибири, скорее всего...» И капрал уловил, что географическое это название произнесено было уважительно и таким тоном, словно многое в речи и поведении Иона могло объяснить. Конечно, капрал поспешил заверить: «Из Сибири я, верно...»

– Так вот, – говорил дальше Саня Фриц. – У босса нашего дельце есть: как раз по тебе. Сделаешь, хорошо себя покажешь – выйдет тебе, Ваня, нехилое повышенище. И, ясен пень, бабули реальные. Ну как? Согласен?

Справедливо рассудив, что отрицательный ответ здесь неуместен, Ион снова кивнул.

– Нормалек! – оценил это Фриц. – Вот, погляди, Ваня...

Он достал из бардачка две фотографии. Подобные снимки Иону приходилось видеть только в раннем детстве – двухмерные, да к тому же черно-белые.

– Значит, этот вот пацанчик и вот этот вот... – Саня потыкал пальцем в первую фотографию, передал ее Иону, взялся за следующую. – Вот они вдвоем, в обнимочку, падлы... Крупным планом. Ну, потом рассмотришь, как следует. Короче, эти пацанчики отжили свое, понимаешь? Лишние они стали на нашей голубой планетке. Понимаешь?

– Понимаю, – подтвердил капрал.

– Молоток. В том месте, где ты их навестишь, наверняка еще народ будет. Немного. Человек пять, не больше. Придется, Ваня, всех их порешить, – так надежнее. Конечно, можно масочкой физию прикрыть, но в масочке тебя в то заведение... где эти нехорошие личности отдыхают от дел своих несправедливых, не пустят. Да ты не переживай! – хохотнул Фриц и хлопнул Иона по колену. – Среди твоих клиентов святых не предвидится. На каждом жмуров висит – на хорошее кладбище хватит.

– Я и не переживаю, – сказал Ион.

– Молоток ты, говорю же... Ну, детали позже обкашляем. А в целом – задача ясна?

– Так точно.

Фриц расхохотался. Но очень скоро посерьезнел.

– День тебе на подготовку, – заключил он.

* * *

Этой дикой несурразице могло быть только одно разумное объяснение: он, капрал разведроты девятого штурмового императорского полка, Ион Робуст, стал участником секретной операции, проводимой командованием армии Его Величества Государя Императора. Какие-либо иные версии произошедшего Ион попросту решил не рассматривать. Потому что иные версии не имели смысла. Да и в самом деле, кому еще и зачем понадобилось забрасывать его в этот... в это... Куда, черт подери? Иную планету? Альтернативную реальность?

Впрочем, Ион вовсе не был намерен забивать себе голову деталями. Понимать, как, что и зачем, – дело командования. Его, разведчика Иона, задача нехитрая и привычная: выжить на чужой территории, занять безопасную позицию и собрать как можно больше сведений об этом мире.

Невероятно странном, чудовищно абсурдном мире...

Ион и помыслить никогда не мог, что способно существовать государство, в котором реальная власть принадлежит преступникам. Здесь грабители, мошенники и убийцы свободно разгуливали по улицам, даже и не думая скрываться, наоборот – охотно и азартно демонстрируя свою принадлежность к той или иной преступной группировке. А, собственно, кого им было опасаться? Правоохранительные органы, называемые здесь «милицией», прекрасно взаимодействовали с ними. А зачастую даже и прислуживали.

Общество снизу доверху было пропитано уголовной моралью. Проходя как-то мимо одной из местных школ, Ион стал невольным свидетелем до немоты изумившей его сцены. На школьном крыльце, под стеной, расписанной режущей глаз капрала непотребщиной, скорчившись в обезьяньих позах, сидели, дымя сигаретами, подростки. Из здания школы вышел, поблескивая очками и ранней лысинкой, молодой человек – видимо, учитель. Уцепив одного из подростков за локоток, молодой человек повлек его с крыльца. Они остановились у школьной решетчатой ограды, так что Ион мог слышать весь разговор до последнего слова.

– Че я-то сразу? – нарочито загнусавил, явно подражая кому-то, пацаненок. – Че я, крайний, что ли? Не подходил я к вашей стенгазете, че мне, делать нечего, читать ее?..

– А кто тогда? – изумление Иона достигло степени невероятной, когда он услышал в голосе учителя, молодого человека вполне интеллигентной наружности, те же делано гнусавые интонации. – Вас пятеро было. Я из класса выходил, все нормально было. Я вернулся – на фотках уже писюны пририсованы. Полюбасу, кто-то из вас пятерых!

– А че я-то?..

– А кто? Фролов? Или кто?

– А че Фролов-то?

– А че «чекаешь», босота? – учитель, надвинувшись сверху на пацаненка, растопырил пальцы.

– Я легавить не буду! – пискнул тот.

– Ты где легавого увидал? Я с тебя, как с пацана, спрашиваю – кто стенгазету запапарафил? Не скажешь, все пятеро огребете, понял?

– Ага, скажу я, а меня потом в стукачи запишут? – гнусавые интонации исчезли, в голосе подростка зазвенели слезы.

Учитель достал пачку сигарет, предложил собеседнику, взял и себе одну. Оба с одинаковой неумелой неловкостью закурили.

– Короче, чего зря базарить... – заговорил снова молодой человек. – Это ж Фролов был, я знаю. Так пусть он за свой косяк сам и отвечает. Это не по-пацански разве? А?

– По-пацански... – сникая уже, пробормотал подросток.

– А на тебя никто не скажет, что, мол, стукач... Ты за всех своих братанов мазу держал, чтоб они не пострадали. А то как это получается: косячит один, а ответ держать за него другие должны, а?.. Ну? Фролов, да?

– Фролов... – выдохнул вместе с табачным дымом пацаненок.

– Пошли, директору повторишь, что мне сказал.

Уводя подростка, учитель радостно улыбнулся, явно довольный результатами своей педагогической методики...

Рядовые граждане с просьбой разобраться в своих конфликтах обращались не в «милицию», а к бандитским главарям, именуемым «авторитетами». Созидательный труд здесь считался занятием едва ли не зазорным; зато, как в древнейшие времена, в наибольшем почете были ремесла торговли и разбоя. Поэтому вершиной социальной эволюции безоговорочно полагался «бизнесмен». «Бизнесмен», как быстро выяснил капрал, был чем-то средним между торговцем и разбойником...

Капрал Ион, простой солдат, в делах государственных не шибко понимавший, успел разобраться далеко не во всех нюансах здешней реальности. Хотя, чтобы осознать ужасающую неправильность местной жизни, глубокого анализа происходящего и не требовалось. И так все было видно. С первого взгляда и невооруженным глазом.

Этот мир тяжело болен. И значит – нуждается в исцелении. Никаких сомнений тут быть не может.

И еще кое в чем Ион не сомневался – этот мир ждут большие перемены. Не зря же он, капрал разведроты штурмового Императорского полка, здесь оказался. Безусловно, Его Величество Государь Император намерен прийти на помощь и этому несчастному народу.

А все, что требуется от Иона, – выживать по здешним правилам, ожидая, пока свяжется с ним командование.

* * *

Олег поднялся навстречу вышедшему из кабинета следователя Никите Ломову.

– Ну как? – спросил он Никиту.

– Как всегда, – пожал тот плечами. – Ничего нового. Только поосторожнее, смотри. Хитрая баба такая...

– Свидетель Гай Трегрей, пройдите! – донеслось из кабинета.

Следователь Кучмина нисколько не походила на следователя. Ее скорее можно было принять за школьную учительницу: мышинное простое платье, немудреная прическа, абсолютное отсутствие макияжа, неумовимо неправильные черты лица – в общем, внешность из разряда «увидел и забыл»... Правда, кое-чем следователь все-таки выделялась – ростом, необыкновенной для среднестатистической женщины двухметровой длиной сухопарого сорокалетнего тела.

Свидетеля Олега Гай Трегрея подполковник Елизавета Егоровна Кучмина встретила подчеркнуто дружелюбно:

– Вот вы какой, Олег Морисович! – проговорила она, улыбаясь серыми губами. – Присаживайтесь, пожалуйста...

Демонстративно отодвинула от себя ноутбук, на котором набирала текст протокола предыдущего допроса, – давая понять, что разговор намерена начать неофициально.

– Вот вы какой! – повторила она. – Признаться, я вас другим представляла.

– Простите, Елизавета Егоровна, – чуть поклонившись, прежде чем опуститься на стул, проговорил Олег, – что невольно вас разочаровал... Вероятно, у вас очень живое воображение, – добавил он, – если вы способны представить облик незнакомого вам человека по одному лишь его имени.

– Ну уж и незнакомого!.. – все улыбалась Кучмина. – Встречаться мне с вами не приходилось, это правда. Но слышать – слышала о вас. И много. По городу о вас и вашей удалой компании уже легенды ходят...

Она подвесила многозначительную паузу, явно ожидая, что собеседник тут же и поинтересуется, что же такого известно о нем правоохранительным органам. Но Олег лишь кивнул, давая понять, что принимает информацию к сведению.

– Вас прямо робин гудами какими-то расписывают, – заговорила снова следователь. – Защитниками униженных и оскорбленных... Вашу команду-то... разношерстную, – выказала свою осведомленность Кучмина. – Бывшие детдомовцы, бывшие сотрудники полиции, даже преподаватели... того же детдома... Ваши армейские товарищи еще...

– Говоря сухим языком терминов, «незаконное бандформирование», – сказал Олег.

– Напрасно иронизируете, – опять улыбнулась следователь. – Можно и так квалифицировать. Кстати, хотела поинтересоваться, вы где служили, Олег Морисович?

– Военная часть 62229, Уральская область, город Пантыков...

– Это нам известно, – не дослушав, веско сказала Кучмина. – Пантыков – это первые два с небольшим месяца службы. А потом? Вы ведь, как я знаю, в армии отчего-то еще на полгода сверх положенного срока задержались. И сведений о том, что по контракту оставались, нет...

– К сожалению, на этот счет ничего сообщить вам права не имею, – ответил Трегрей. – Подписывал документ о неразглашении.

– Вот как! – вздернула редкие брови следователь. – Ничего себе! – добавила она, набросив на лицо масочку восхищенного уважения. – Теперь понятно, откуда те слухи...

Трегрей и тут ничем не выказал желания поинтересоваться – о каких таких слухах говорит Кучмина. Чуть помедлив, следователь сочла необходимым уточнить:

– Я вот слышала, ребята ваши обучены каким-то особым приемам рукопашного боя, против которых ни один спецназовец не устоит. Да и вообще о физической подготовке вашей команды чудеса разные рассказывают...

Олег не стал ни подтверждать, ни опровергать это. Сказал только:

– Поверьте, Елизавета Егоровна, физическая подготовка – это отнюдь не самое главное.

– А что главное? – тут же уцепилась Кучмина.

– Абсолютная внутренняя уверенность в необходимости того, что делаешь.

– Да что ж вы такого этакое делаете-то?.. – развела руками подполковник. – Ну, в самом деле, Олег Морисович, – к чему вся эта... пафосность-то?.. Постоянно ваши парни влезают в чьи-то распри, постоянно устраивают какие-то разборки... Сколько уж раз органам пришлось привлекать их к ответственности! До поры до времени их выходы ничем серьезным не оканчивались, но теперь... Вы мне объясните, Олег Морисович, ради всего святого... – Кучмина, не забывая улыбаться, молитвенно сплела руки. – Вам-то самому зачем это надо? Вы такой молодой человек, вам ведь и двадцати трех нет, правильно? Воспитывались в детском доме, без семьи, без родных, полгода, как со срочной службы вернулись, а уже многого добились. Без чьей-либо поддержки начали собственное дело, и какое – не перекупку-перепродажу какую-нибудь, а самое настоящее производство. Создали пекарню, которая уже весь район своим хлебом кормит. Хорошее дело, благородное дело. И главное: прибыльное. Ведь окупается-то оно? И прибыль, должно быть, уже приносит?

– Вестимо, – сказал Олег.

Кучмина нахмурилась на неожиданное слово, но не прервала своей речи.

– Подобными темпами вы, Олег Морисович, к тридцати-то годам достигнете такого уровня, что спокойно сможете себе позволить поселиться на каком-нибудь курортном побережье и остаток жизни попивать коктейли... Зачем вам путаться в чьих-то проблемах? Зачем постоянно куда-то вступать – вот чего я понять никак не могу. Что ж вам спокойно-то не живется? На какого дьявола, извините, вам понадобилось это амплуа... профессионального защитника людей?

– Мы вовсе не профессиональные защитники людей, как вы изволите выражаться, – пожал плечами Трегрей. – Мы просто хотим жить по закону, чести и совести. И живем. И других заставляем, тех, с кем нас обстоятельства сводят. Ничего непонятного тут нет. Все предельно просто.

– Все равно не понимаю! Я – нормальный человек – вас не понимаю!

– Это от того, Елизавета Егоровна, – проговорил Олег, – что понятие нормы здесь... изрядно девальвировано. Нормальным почитается тот, кто личное благоудобство ставит превыше всего и не полагает зазорным обустроить собственное существование за счет окружающих, интересы коих не принимает во внимание совершенно.

Кучмина напряженно сморщилась, вникая в суть сказанного. Вникнув же, фыркнула:

– А как вы хотели?.. В этом и есть правда жизни – чтобы себя и родных обеспечить. Кто ж о них, кроме нас, позаботится? А все эти... разговоры о справедливости, извините, дурость. А то и того хуже – просто прикрытия для совсем иных целей... Ну да, я, как и все, нормальный человек. И признаю это, что здесь такого?

– И для вас, надо полагать, личное благоудобство превыше интересов общества?

– Безусловно, – отчеканила следователь.

– Довольно удивительно слышать такое от человека, долг которого – служить этому обществу, оберегая его от преступных посягательств.

Кучмина поджала губы, скомкав улыбку. Потом неуверенно посмеялась, погрозив Олегу костистым пальцем:

– Демагогию разводить изволите?

– Отнюдь.

Следователь еще раз усмехнулась. Поерзала на стуле, пригладила волосы, провела ладонями по лицу, прокашлялась, проморгалась, обновила дежурную улыбку – как бы обозначая, что текущая тема завершена и пора переходить к следующей.

– Мы, Олег Морисович, все-таки не в Шервудском лесу живем, – сообщила она. – А в правовом государстве. И эти ваши средневековые фокусы, надо сказать, в современных реалиях неуместны. Кстати, – нацелилась она. – А почему вы, Олег Морисович, дворянином себя величаете? Что это за странные фантазии? У вас, может быть, и документы имеются, ваш титул подтверждающие?

– Увы, – ответил Олег, – документы предъявить вам не могу.

– Очень интересно, – Кучмина даже хихикнула. – И на чем же в таком случае ваше утверждение основывается?

Олег с некоторым сомнением посмотрел в лицо следователю, как бы колеблясь, стоит вдаваться в объяснения или нет. Потом все-таки сказал:

– Что ж, если вам любопытно... Я – урожденный дворянин. И я стараюсь жить так, чтобы оправдать оказанное когда-то моим родителям высочайшее доверие.

– Так-так-так! – немедленно показала, что ей все-таки любопытно, Кучмина. – А... ваши родители, они?..

– Они – личные дворяне. Их принадлежность к элите не наследственная, но заслуженная.

– А вам, то есть, по наследству титул перешел? – Кучмина проговорила это с интонацией неясной – она, кажется, не определилась: воспринимать то, что говорит ей Трегрей, серьезно или все-таки в ироническом ключе.

– Именно так. Потому как для представителя элиты важнейшим фактором является мотивация и ценностный аппарат, принято считать, что наличие родителей, доказавших свою преданность и эффективность служения Отечеству, создает в семье такую атмосферу, что дети почти обречены проникнуться верными идеалами. Обычно так и происходит. Что, впрочем, не делает отпрысков заслуженных дворян полноценными дворянами. Дети из таких семей вольны выбирать: принять либо отвергнуть истинное дворянство.

– А можно отвергнуть? – удивилась следователь. – Это как? Вот прямо добровольно – мол, не хочу быть элитой, хочу простолюдином?

– Урожденное дворянство дает некоторые преимущества лишь на начальных этапах жизненного пути, – пожал плечами Трегрей. – В целом же урожденное дворянство – это... если вам так понятней – неотработанный аванс. Тому, кто выбрал стезю служения Отечеству, надобно каждодневно доказывать правомерность своего причастия к высшей элите общества. Доказывать словом и делом. А документы, о которых вы изволили говорить... Они почти ничего не значат.

– Ф-фух! – следователь размашисто-показушным движением сняла со лба несуществующие капельки пота. – Уморили вы меня, Олег Морисович. Так уточните, кто же все-таки даровал ваших... э-эм-м... родителей высочайшим своим доверием?

– Государь Император, – ответил Олег.

Кучмина прыснула, прикрыв бледный рот ладонью. Трегрей ее смех принял спокойно. Скорее всего, именно такой реакции он и ожидал. Впрочем, смеялась следователь недолго.

– Ладно, – произнесла она. – Хватит шуточек. Перейдем к делу.

Подавшись вперед, Кучмина уже безо всякой иронии, внимательно и со строжинкой посмотрела в лицо Олегу:

– Как говорится, сколько веревочке ни виться... На этот раз ваши товарищи... Или – виновата – как вы их величаете? Соратники?

– Именно.

– На этот раз ваши так называемые соратники зашли слишком далеко. Чему явилась последствием настоящая трагедия. Погиб человек, – в глазах Кучминой замутилась, смешавшись с суровой укоризной, вполне искренняя печаль. – Заслуженный сотрудник, майор полиции. Отец троих детей, между прочим... Ну, да неважно... – снова вздохнула следователь, выпрямляясь. – Вам до этого дела никакого нет, конечно. Вы всех нас, сотрудников, воспринимаете каннибалами какими-то... Но, как бы то ни было, – голос ее дополнился ноткой торжественности, – вы в полной мере понесете ответственность за совершенное тяжкое преступление. Те ваши... соратники, что в данный момент находятся под стражей, получают внушительные сроки. Да и вы, Олег Морисович, и Ломов, директор этого самого «Витязя», тоже суда, скорее всего, не минуете. Пока вы с Ломовым в статусе свидетелей, но – поверьте моему опыту – статус о-очень быстро меняется. Не исключаю, Олег Морисович, что ваши соратники, как и всегда, действовали, исходя из самых благих побуждений, но... Благими намерениями сами знаете куда дорожка вымощена. И единственное, что может им и вам хоть как-то помочь...

Следователь снова замолчала. И посмотрела вдруг на Олега сочувственно, давая понять, что его-то она, несмотря ни на что, полагает человеком небезнадежным, только вот крепко запутавшимся, угодившим по глупости в дурную компанию...

– Единственное, что может нам помочь, – активное сотрудничество со следствием, – договорил за нее Трегрей.

– Совершенно верно.

– Что ж, извольте, – согласился Олег. – Скрывать что-либо от следствия я намерений не имею. Коль уж вам угодно акцентировать внимание на моменте гибели сотрудника вашего ведомства, начну именно с этого. Вперво, майор Асиялов прибыл на место одетым не по форме, не представился, не предъявил удостоверение. Далее: не вступая ни в какие переговоры, сразу открыл огонь на поражение. И, следует заметить, отнюдь не из табельного оружия. Сотрудник охранный предприятия «Витязь» Игорь Анохин, опасаясь за жизни свою и окружающих, разоружил майора и...

– Нанес ему тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть, – перебив, веско заключила Кучмина.

– В ходе предварительного осмотра врачи скорой помощи никаких следов избиения на теле Казима Асиялова не обнаружили. Было выдвинуто предположение, что майор скончался от кровоизлияния в мозг, поскольку, как известно, страдал гипертонией.

– Ну, экспертиза покажет, – не стала спорить следователь.

– Далее. Нападение на дом Евгения Сомика с поджогом гаража и находящегося в нем...

– Погодите-погодите! – взмахнула руками Кучмина. – Это-то какое имеет отношение к делу?..

– Самое прямое, конечно, – ровно ответил Олег.

– Вы уклоняетесь от темы! Сейчас не об этом разговор...

– Очень жаль, потому что я намерен говорить именно об этом.

– Олег Морисович! Олег Морисович! Давайте я здесь буду решать, когда и о чем вести разговор, хорошо? – Кучмина вздохнула с видом человека, которому предстоит объяснять кому-то не очень умному и очень упрямому самые простые вещи, подробного объяснения вообще не требующие. – Ну, ладно – поджог... По показаниям Евгения Сомика и членов его семьи: нападавшие были в масках. То есть, поджог совершен неустановленными лицами. Не перебивайте, пож... – воскликнула следователь и тут же осеклась, поняв, что Олег и не думает ее перебивать. Невозмутимо слушает.

– Свидетелей происшествия нет, – продолжила Кучмина. – Показания же семьи Сомиков не могут быть объективны, так как Сомики – лица заинтересованные. После происшествия Евгений Сомик, находящийся, предположительно, в состоянии аффекта, совершил нападение на дом, принадлежащий ранее незнакомому ему Джамилу Дмитриевичу Асиялову. По какой-то одному ему ведомой причине решив, что кандидат медицинских наук, бывший главврач областной больницы, пенсионер Асиялов ответственен за совершенное в отношении его, Сомика, преступление. Нанеся телесные повреждения различной степени тяжести находившимся в доме людям, Сомик при поддержке сотрудников охранного агентства «Витязь» похитил двух гостей Джамила Дмитриевича – с намерением выдать их за своих обидчиков. Джаamil Дмитриевич, как и положено, вызвал наряд милиции, в составе которого находился и майор Асиялов. И вот тут начинается уже совершенная... неописуемая дикость!

Следователь перевела дыхание, даже приложила длиннопалую ладонь к пологой груди, словно удерживая рвущееся оттуда разволновавшееся сердце. Олег же безо всякого волнения внимал финалу повествования.

– Злоумышленники оказывают наряду полиции активное сопротивление! Завязывается перестрелка, драка!.. В ходе которой и погибает исполняющий свои прямые обязанности майор Асиялов!.. А патрульные полицейские получают телесные повреждения. Это уже ни в какие рамки не укладывается, Олег Морисович!

– Бессомненно, не укладывается, – сказал Олег, кажется, имея в виду совсем не то, что следователь Кучмина.

Он извлек из внутреннего кармана куртки пластиковый цилиндрик величиной с полпальца и положил его на стол следователя.

– Что это? – спросила Кучмина с недоуменной брезгливостью, глядя на цилиндрик, как на какую-нибудь пакость вроде лягушки или какого другого склизкого гада.

– Флешка, конечно, – пояснил Олег. – А на ней – записи с видеорегистраторов. С автомобиля ребят из «Витязя» и личного автомобиля майора Асиялова. Там – полная картина произошедших событий. В цвете и со звуком. В неплохом качестве. И с двух ракурсов.

Некоторое время следователь соображала, как на это отреагировать. В чрезвычайно ожившихся ее глазах ясно была видна бешеная круговерть мыслей. Наконец она встрепенулась. Приложив ладони к щекам, Кучмина вскрикнула с неуверенным возмущением:

– Олег Морисович! Вы совершили хищение регистратора с автомобиля майора Асиялова?!

– Формально, пожалуй, да, хищение... И готов понести за это соответствующее наказание, – проговорил Трегрей. – Но пошел я на это исключительно из крайней необходимости. Впрочем, теперь, когда видео уже многократно копировано, выложено в сеть и уничтожено быть не может, я готов вернуть... похищенное. Хоть сиюминут.

– То есть, вы полагаете, что следствие способно уничтожить... – пламенно начала было Кучмина, но, наткнувшись на невозмутимый взгляд Олега, опять осеклась. – Что у вас за словечко такое дурацкое?.. – пробормотала она, отведя глаза. – «Сюминут» какой-то...

– И еще по поводу свидетелей поджога, – заговорил снова Трегрей. – Вы напрасно полагаете, Елизавета Егоровна, что свидетелей не сыскать. Семья Асияловых, конечно, пользуется большим авторитетом в районном центре и прилежащих к нему населенных пунктах... Но вы же не думаете, что это помешает установлению истины?

И опять Кучмина не сразу сообразила, что ответить.

– Вы позволите? – осведомился Олег, оглянувшись на дверь кабинета.

– А?

– Позволите пригласить свидетеля?

– Какого еще?.. Ну... пожалуйста, пригласите...

– Федор Иванович! – повысив голос, позвал Трегрей.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась похожая на картофелину бугристая голова, коротко и скверно остриженная. Кучмина откашлялась.

– Проходите, кто там... – резковато пригласила она.

Обладатель картофелеподобной головы – мужичок лет пятидесяти в ветхом пуховике с нашитыми на груди китайскими иероглифами, – не решившись открыть дверь полностью, протиснулся бочком и, уминая в руках кепку, торопливо бормотнул:

– Так я это... все видел, значит...

– Что – все? – с уже откровенной враждебностью резко уточнила следователь. Лицо ее как-то осунулось, в глазах появился хищный крысиный блеск. – Что – все?!

– Ну... все. Как приехали, как батю евонного, Женькиного, то есть, утюжили... Как потом гараж подзорвали...

– Вы понимаете, что за дачу ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность?

Федор Иванович испуганно посмотрел на Олега.

– Опасаться нечего, – с совершенным, каким-то даже скучноватым спокойствием сказал Олег.

– Понимаю... – судорожно крутанув кепку, выдохнул Федор Иванович, глядя на Трегрея, а не на следователя.

– Идите! – отрывисто бросила Кучмина. – Вас вызовут, когда понадобится.

Мужичок еще не успел покинуть кабинет, когда следователь все-таки не сдержалась.

– Не лез бы ты не в свое дело... – почти не разжимая губ, процедила она.

Федор Иванович услышал это. Он завяз в дверном проеме, втянул голову в плечи и снова устремил на Трегрея беспомощный взгляд.

– Я ведь говорил уже, – сказал ему Олег. – Мы берем вас под свою защиту. Бессомненно, вам нечего опасаться. Подождите меня в коридоре с Никитой, хорошо?

– Берете под свою защиту, значит? – явно через силу усмехнулась следователь, когда мужичок вышел. – Вы и ваши соратники?

– Я и мои соратники.

– Те, что пока на свободе остались? – Кучмина снова улыбалась, но не так, как раньше, а как-то неловко, стиснуто – едва удерживая улыбку на губах.

– И те, что на свободе. И те, кто скоро к ним присоединятся.

– Вы в этом уверены?

– Бессомненно.

– Почему же? Очень интересно...

– Почему? Ну, извольте...

Подполковник Елизавета Егоровна Кучмина вознамерилась было, перебив Олега, вставить еще что-то свое, но вдруг с изумлением поняла, что горло ее окаменело. И в тот же момент сознание ее будто раздвоилось. Она ясно видела этого Олега Гай Трегрея сидящим на стуле. Невысокого, темноволосого худощавого парня вполне заурядной наружности. Но при этом она чувствовала, что Олег Гай Трегрей поднялся на ноги. Он поднялся на ноги и словно бы стал выше ростом... И больше... Таким большим стал Олег Гай Трегрей, что заполнил собой все пространство кабинета. Тот Олег, который остался спокойно сидеть, молчал. А тот... другой Олег, который теперь был везде... заговорил. И слова, которые он говорил, врезались прямо в мозг Кучминой с устрашающей, небывалой отчетливостью, такой отчетливостью, что им, этим словам, нельзя было не поверить.

Наваждение исчезло внезапно.

Следователь сколько-то времени ошеломленно молчала, неровно и часто дыша, дергано пошевеливаясь, безотчетно трогая руками предметы, находящиеся в пределах досягаемости,

шаря взглядом по стенам... как бы в стремлении убедиться, что окружающая ее реальность никуда на самом деле не подевалась.

– Вы слышите ли меня, Елизавета Егоровна? – услышала она голос Олега.

Он помещался там же, где и минуту назад. Он был спокоен и сосредоточен. Правда, чуть пульсировала голубая жилка на левом виске.

«А что он говорил-то»? – попыталась вспомнить Кучмина. И моментально вспомнила.

– Мы – в отличие от вас, нормальных, – вот что услышала следовательно, – ради того, во что верим, готовы не только благоудобством собственным пожертвовать, но и вовсе жизнь отдать. И к тому ж с вас, нормальных, кто препоны чинить вздумает, спросим в полной мере – с каждого в отдельности. Никогда об этом не забывайте.

* * *

Морозным и пронзительно солнечным было это ноябрьское утро. И хоть снегом еще даже и не пахло, но все вокруг: и до звона промерзший асфальт, и уличное всецветное трескучее мельтешение, и яркое-яркое, необычайно голубое, словно южное море, небо – все казалось праздничным, как в предновогодье. И даже удивительно стало Игорю Духе, пару минут назад шагнувшему за толстенную металлическую дверь пропускного пункта саратовского СИЗО-1 – из тюрьмы на волю шагнувшему, – что прохожие, суетливо пробегающие под бурыми стенами, нисколько окружающего их великолепия не замечают. Ну да, впрочем, проходим этим не пришлось полтора месяца провести в тесной камере, где вонючий воздух так плотен, что хоть горстями его загребай ко рту, чтобы вдохнуть...

Духа, ощущая, как слегка кружится голова, прошел несколько шагов до стеклянного короба автобусной остановки. Огляделся. И тут только сообразил, что не видит никого из своих.

«Нормально, а? – чувствуя, как понемногу меркнет праздничность, проговорил мысленно Духа. – Если меня последним из парней выпустили, так и встречать не надо, что ли?»

Он еще раз прошелся взглядом по ряду припаркованных у остановки автомобилей. Почти все – пустые. И еще пара такси. У одного, кстати, торчал тип вида настолько диковато-неожиданного, что на него даже оборачивались прохожие.

Это был мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, крупный, очень тучный, облаченный в черный кожаный плащ, поблескивающий на солнце подобно рыцарскому доспеху. Под плащом виднелась пиджачная пара – ослепительно белая, как песок тропического пляжа. Мужчина был обрит наголо и на лбу сбоку имел красно-коричневое пятно – то ли родимое, то ли от давнего ожога. Но более всего в глаза бросалась борода – шикарная, смоляно-черная, раздвоенная, с вкраплениями благородной седины. Словом, мужчина выглядел так, как мог бы выглядеть Михаил Сергеевич Горбачев, если бы тому вдруг в самый последний момент отказали в получении Нобелевской премии, по каковой причине он бы разуверился в западных своих идеалах и обиженно проникся патриотическими, с уклоном в монархизм, идеями.

Мужчина в плаще, заметив, что Духа на него уставился, воткнул в парня ответный взгляд... И вдруг радостно встрепенулся, замахал руками.

– Игорь?! Анохин?! Духа!? – завопил он на всю улицу. – Иди скорее ко мне, мой родной!

Не дожидаясь, пока оторопевший Духа двинется с места, мужчина сам бросился к остановке, широко раскинув руки для объятий.

– Аккуратней, мужик, ты чего?.. – закричал облапленный Игорь, безуспешно пытаясь отвернуть лицо от колючей бороды. – Чего тебе от меня надо?..

Мужчина, отпустив Духу, отступил на шаг:

– Как это – чего?.. Ах, да! – засмеялся он. – Мы ж с тобой не знакомы! Позволь представиться: Виктор Гогин. Гога, то бишь. Олег попросил тебя встретить...

– Гогин?.. – удивился Двуха. – Тот самый? Который писатель? Который поджигал себя, чтобы детский дом защитить?

– Тот самый, – не без самодовольства подтвердил мужчина.

– Будь достоин, – проговорил Двуха, приглядываясь к нему.

– Долг и честь! – весело откликнулся мужчина.

Он схватил Двуху за руку, подтащил его к такси, гулко выкрикнул:

– Стой здесь, никуда не уходи! – и извлек с заднего сиденья автомобиля объемистый полиэтиленовый пакет. Водрузил его на капот – при этом недвусмысленно звякнуло.

Гога принялся опорожнять пакет, расставляя на капоте – прямо как шахматные фигуры на доске – бутылки, стаканы, пластиковые контейнеры с какой-то снедью из супермаркета...

– Отпраздновать надо освобождение-то! – закончив, дал пояснение Гога – в том числе и таксисту, который, до того безразлично дремавший за рулем, обеспокоился непорядком:

– Ты чего мне здесь распивочную устроил?! Убирай немедленно!

Гога, обернувшись к нему, вдруг посерьезнел:

– Не бухти, – посоветовал он. – Ты знаешь, кто это на свободу вышел? Не знаешь? Телевизор смотреть надо. Помнишь, этой весной оттепель какая ударила? В один день лед на Волге тронулся. Рыбаков спасатели на лодках на берег вытаскивали. Всех вытащили, троих не успели. Их на льдине течением унесло. Две недели плыли бедолаги. Только в Каспийском море удалось догнать. Правда, не троих со льдины сняли, а одного всего лишь. Вот этого чувачка. И ведь какая штука... За две недели он ни капельки не похудел. Поправился даже. А ведь все снасти у рыбаков еще под Волгоградом волной смыло...

Двуха едва удержался, не расхохотался. А таксист, приглушенно бормоча еще что-то, затих на своем месте. На лице его читалось: «Я, конечно, не верю, но мало ли что...»

Гога же беспрепятственно откупорил одну из бутылок, наполнил стакан, взял второй...

– Мне не надо... – не вполне, впрочем, уверенно отказался Игорь. – Нельзя мне. Я же Столп Величия Духа того... постигаю. Уже на первую ступень взошел. Почти...

– Подождут ваши ступени и столпы, – отмахнулся бутылкой Гога. – Немного можно – за свободу-то! А Олегу я ничего не скажу.

– Да при чем здесь «скажу-не скажу»... А хотя – плесните. Немножко только.

– Другой разговор! – возразился Гога. – Только на «вы» меня не зови, что я, старикан, что ли, какой? Всего-то годков на двадцать пять тебя постарше...

Беззвучно чокнувшись пластиковыми стаканчиками, они выпили: Двуха чуть пригубил, Гога – осушил стакан до дна. И, просипев:

– Между первой и второй... – тут же налил себе еще, до краев.

И выпил, уже не потянувшись чокаться, самостоятельно. Замер, блаженно зажмурившись, видимо прислушиваясь к ощущениям. Потом открыл один глаз, хрипло проговорил:

– В принципе, между второй и третьей тоже тормозить не принято, – и, игнорируя стаканчик, приложился непосредственно к бутылке.

Люди на автобусной остановке – да и Двуха, впрочем, тоже – глазели на бородатого «горбачева», словно на какое-то невиданное животное. Гога, булькая спрятанным под густой растительностью горлом, позировал пионером-горнистом до тех пор, пока бутылка не опустела.

Когда он отнял ее, наконец, ото рта, на остановке заплодировали. Гога театрально раскланялся.

– Просто два месяца в завязке был, – во всеуслышанье объявил он. – Работы полно, расслабляться нельзя...

– Поехали, может, все-таки отсюда? – предложил Двуха, оглянувшись на дверь пропускного пункта СИЗО. – А то прямо под носом у этих... Как загребут сейчас обратно...

– Я им загребу! – с большим воодушевлением воскликнул Гога. – Я их сам всех!..

Но Двуха уже собирал с капота припасы.

- Ладно, – согласился Витька. – Только чтобы тебя не подставлять... Куда тебя отвезти?
- Домой, куда еще. В Энгельс. Матушка ждет.

Когда такси тронулось, Двуха задал вопрос, который давно уже вертелся на языке:

– А почему Олег с парнями не приехал встречать? А тебя послал? Нет, я ничего против тебя не имею, даже наоборот... Просто – остальных-то, насколько я знаю, целыми делегациями встречали.

– Некогда сейчас Олегу, – сказал Гога. – Да и всем нашим тоже.

– А что такое?

– Ты ж не знаешь... Проблемка нарисовалась одна серьезная. Решают.

– Снова проблемка? – вскинулся Двуха. – Е-мое, только одно дело утрясли, как опять все по новой...

– А как ты хотел? – со вздохом отозвался Витька. Видимо, выпитое настроило его на философский лад. – В такой стране живем. Я вот что, брат, думаю... Атмосфера такая специфическая в нашем Отечестве: если ты не планктон какой-нибудь, а человек мыслящий и честный, у тебя мирно жить-поживать не получится. Почему? Потому что мыслящий и честный человек – он почти всегда творец. Он создает что-то свое, новое. А это свое и новое у нас, в отличие от других государств, никому нахрен не нужно. Потому что старое поставлено так, что, хоть и похуже работает, но отлично кормит. Вот и приходится сражаться. Каждый день быть готовым отражать атаки. Почему? Давай-ка порассуждаем. Вот взять хотя бы вашу пекарню. Казалось бы, что здесь такого – хлеб печь. Древнейшее ремесло! Ну, после первых двух древнейших... И даже такое невинное дело кому-то поперек горла встало...

– С пекарней нашей что-то? – догадался Двуха.

– Ага. Тут, брат, такое дело, что... Черт, сбил меня с мысли...

Вероятно, с целью освежить мозг и поймать снова нить рассуждений, Гога взялся за вторую бутылку. Сковырнув пробку, он сунул в рот горлышко, заклацал по нему зубами...

– Да не трясина ты так! – хлебнув, крикнул он таксисту. – Без челюсти останусь!

– Я виноват, что дороги такие?

– Ты не пей пока, – посоветовал Двуха.

– Как это – не пить? – удивился Гога. – Я же начал уже...

– Что случилось с пекарней, можешь толком рассказать?

– Могу, – сделав еще глоток, проговорил Гога. – Ну, как там начиналось полгода назад, ты, естественно, знаешь...

* * *

Подвал оказался грязным и сырым, абсолютно не приспособленным для эксплуатации в качестве чего бы то ни было, – зато аренда его стоила обнадеживающе дешево. Арендодатель, владелец здания, где располагался подвал, большой проблемы в более чем плачевном состоянии сдаваемого помещения не видел.

– Вам же не концертный зал тут устраивать, эт самое? – говорил он. – Коммуникации проведены. Электричество есть. Сделаете, эт самое, какой-никакой ремонт, поставите кондиционер, оборудование – и работайте себе на здоровье. Что вы тут хотите устроить? Пошивочную? Мастерскую, эт самое, какую-нибудь?

– Хлебопекарню, – ответил Олег.

– Лучше уж – сыроварню, – проворчал, трогая ногтем плесень на осклизлой стене, Никита Ломов, в партнерстве с которым Трегрей и затевал дело. – Сразу элитные сорта начнем делать.

Увязавшиеся за Олегом и Никитой детдомовцы, весело шлепая по лужам, густо покрывавшим подвальный пол, высказались в том смысле, что еще лучше организовать здесь лягу-

шачью ферму, с тем, чтобы окорока сих земноводных продавать на кухни французских ресторанов. Тут же завязалась оживленная дискуссия: куда девать прочие фрагменты лягушачьих тушек.

– На суп! – безапелляционно заявил Виталик Гашников из средней группы. – Чего добру пропадать!

– Ну-ка, тихо там! – одернул разошедшихся пацанов Никита. – Идите, вообще, на улице нас подождите. Лягушачью ферму им... Где вы в Саратове французский ресторан видели? Одни суши-пицца-шашлык бары.

– Ну что, эт самое? – осведомился арендодатель. – Каково ваше решение?

Олег с Никитой переглянулись.

– Посоветоваться надо? – предположил арендодатель. – Сколько угодно, эт самое. Я тогда тоже на улицу выйду. Только вот еще что, ребята... Вы не думайте, что я вас тут, эт самое, надурить собираюсь. Ничего не втюхиваю – хотите, арендуйте, хотите – нет. Сам таким начал: молодым, неопытным. Я ж все понимаю, эт самое... Пока с ремонтом не закончите, пока производство не наладите, буду с вас только часть платы брать. А уж как раскрутитесь, так посчитаемся.

– А ремонт? – подозрительно спросил Ломов.

– Что, эт самое, ремонт?

– Он нам в копеечку встанет. А помещение-то не наше, а ваше. Получается, мы вам подвал отделаем, да еще за это сами же и платить будем.

– Я ж вам объясняю! Помогу вам – первое время только часть аренды платите. Ремонт, он, конечно, тоже, эт самое, в зачет пойдет. Вы не забывайте только чеки за материалы и работу сохранять, чтобы никакие суммы не потерялись.

– Ну, если так... – Никита вопросительно посмотрел на Олега.

Трегрей в свою очередь внимательно взглянул на арендодателя. А тот даже нахмурился вроде как оскорбленно – в ответ на недоверие.

Был тот арендодатель на вид простоват и на обманщика совсем не походил. Средних лет, долговязый, непринхотливо одетый: потертая куртка, пережившая явно не один сезон, мятые брюки и выбивавшаяся из них рубашка, расстегнутая так, чтобы был виден большой серебряный крест на груди. Даже не верилось, что все это громадное пятиэтажное здание (бывший Дом Быта, напичканный теперь снизу и доверху разнообразными фирмами и фирмочками) принадлежит ему. Именовался арендодатель Сан Санычем, носил очки в немодной тусклой металлической оправе и походил на председателя не крупного совхоза, – особенно такому сходству способствовало выраженье «эт самое», навечно прилипшее к его губам, как кожа от семечки.

– По рукам? – предложил Сан Саныч.

– Как, Олег? – спросил Никита.

– По рукам, – сказал тот.

– Вот и хорошо, эт самое! – констатировал Сан Саныч. – Хлебопекарня – дело нужное. Во-первых, на хлеб спрос всегда есть. Во-вторых, то, что наш комбинат выпекает, вообще хлебом назвать нельзя. Я вот вчера в ихнем батоне ноготь нашел. Большой такой, желтый. Наверное, с ноги...

Ремонтировали подвал собственными силами, работников не нанимали, – от своих добровольных помощников отбою не было. Ремонт был закончен в два месяца, еще несколько дней пришлось потратить на установку закупленного заранее оборудования – и дело пошло. Правда, как выяснилось, трудности только начинались...

* * *

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – удалось таки Двухе перебить разговорившего Гогу. – Я это лучше тебя знаю. Как производство налаживали, с технологиями экспериментировали, оборудование до ума доводили – оно ж не новое было, с рук покупали... Как поставщиков сырья искали, договаривались, как они нас кидали, а мы по новой искали. Как с реализаторами мучились... Тогда все наши – кто как мог, кто деньгами, кто работой – Олегу с Никитой помогали... Общее дело ведь. А Никита еще и «Витязь» наш раскручивал. Веселое время было. Хотя и суматошное, конечно. И этот Сан Саныч не обманул. Брал плату за аренду втрое меньше от обозначенной в договоре суммы, как и обещал, всех этих бабкотянутелей от санэпидемстанции и прочей пожарной охраны на себя взял – хотя тут-то все понятно, здание-то целиком ему принадлежит... Но потом же все нормально стало. Бизнес пошел, прибыль пошла. Потихоньку-полегоньку с Сан Санычем расплачиваться стали. Всего пару месяцев назад Олег даже разговор заводил о том, чтобы расширяться! Еще одно помещение арендовать хотел – когда полностью с долгами за аренду первого расплатится... Что такого могло случиться-то? И почему я ничего не знаю?

Договаривал Двуха уже неуверенно. Потому что порядочно захмелевший Гога, слушая, дурашливо кивал в такт его речи, юмористически поблескивал увлажнившимися глазами, давая понять: Двухины сведения безнадежно устарели, а вот он, Гога, сейчас сообщит такое, что Игорь ахнет и разрыдается.

– Все сказал? – осведомился Гога.

– Не тани, давай дальше!

– А ты не перебивай. А то я с мысли соскакиваю... Короче, вам – которые в СИЗО отдыхали – решено было не сообщать о всяком таком... нехорошем. У вас и своих проблем было достаточно.

– Это я уже понял. Ты будешь рассказывать, нет?

– Слушай. Когда вас, голубчиков, повязали, Олегу не до пекарни стало. Он Ломова за себя оставил – бизнесом рулить. А тут Сан Саныч предложил Никите еще одно помещение – чтобы бизнес-то расширить. Нормальное такое помещение, тоже подвал, но сухой, чистенький. Его всего-то недельку и ремонтировали, этот подвал. Оборудование завезли и работать начали.

– А бабки откуда? – удивился Двуха. – По долгам за аренду первого помещения не расплатились...

– Кредит еще один взяли. А Сан Саныч сказал: потом, мол, расплатитесь. За все сразу. И ведь не обманул. Сука грязная!..

– Ты чего ругаешься?

– погоди, послушаем, как ты выскажешься, когда я закончу... Этот Сан Саныч действительно не обманул, когда обещал, что долги придется возвращать «потом и все сразу». Только вот это «потом» настало неожиданно скоро. Приезжают Ломов с ребятами в пекарню как-то в начале рабочей смены – а там дверь опечатана, и на двери той замок висит. И тут же поступает Никите звонок от парней из второй пекарни. Там такая же история. Ну, конечно, Никита звонит Сан Санычу, выяснять, что за ерунда... А телефон Сан Саныча молчит. И тут подкапывают к пекарне какие-то мужички с целой кодлой полицейских. Мужички рекомендуются представителями Сан Саныча, полицейские... ну, ты понял. И эти представители заявляют, что, дескать, Сан Саныч, оказывается, почти полгода ждал-ждал, пока арендаторы ему платить начнут нормально, терпел-терпел, выслушивал сначала обещания, а потом угрозы... И решил, в конце концов, прекратить это безобразие. На законных вроде как основаниях. То есть, отказаться в аренде и потребовать выплаты долга, который накопился уже ого-го какой...

– Вот сука грязная! – вскричал Двуха.

– А я что говорил? У представителей все договоры на руках, все документы, и по тем документам, естественно, видно, что аренду на самом деле оплачивали только частично... И вот теперь арендаторам вход в помещение, которое у Сан Саныча – как ни крути – в личной собственности, закрыт окончательно и бесповоротно. Как, кстати говоря, и доступ к имуществу: оборудованию и всему остальному. И разрешение конфликта мужички-представители предлагают такое: все имущество должников отходит Сан Санычу – и про долг он забывает.

– Погоди... Погоди... А ремонт? Там же ремонт дорогущий! Он же говорил, что ремонт – в счет оплаты.

– А ремонт, как сказали представители, это ваше личное, братцы-пекари, дело. Ибо письменного позволения на осуществление ремонта в его личном помещении Сан Саныч не давал. И всеми квитанциями и чеками, подтверждающими покупку материалов, можно теперь только подтереться.

– А менты?! То есть, полиция?!

– Так это они и посоветовали... насчет подтереться.

– Не... – Двух потер наморщенный лоб. – Как-то все уж слишком... Не может такого быть. Это что получается: мы работали-работали сколько времени! Почти год! Столько труда вложили, столько кредитов набрали... А он просто взял и все забрал. Получается – на него работали, что ли?

– Получается так, – подтвердил Гога и отпил из бутылки.

– А дальше-то? Дальше что было?

– А ничего интересного. Парни хотели было насовать по шеям и представителям и полицейским, сорвать замок к чертовой бабушке да вытащить все, что им принадлежит, но... Никита их удержал. Олегу позвонил сначала. Который в то время очень был занят тем, что кое-кого из тюряги вытаскивал. Олег силовыми методами действовать настрого запретил.

– Зря!

– Нисколько не зря. Сам подумай: только с вами, терминаторами, едва-едва разрулили, а тут снова-здорово – нападение на представителей власти. Он, я так думаю, сразу заподозрил провокацию. Тем более, что Сан Саныча этого наши парни до сих пор ищут. То ли он сам скрывается, то ли...

Двуха теперь не порывался ничего спросить. Он замолчал, втянув голову в плечи, кусая губы, по-настоящему кусая – до крови.

– Нет, на самом-то деле действия этих самых представителей абсолютно незаконны, – продолжал Гога, – самоуправство в чистом виде. И статья в кодексе соответствующая есть. Только чтобы самоуправство доказать, нужно опознать вещи, которые за опечатанной дверью. А дверь может только собственник помещения открыть. А собственника нет. А представители твердят: нас на то, чтобы печать снимать, не уполномо... не уполномачивали. Такой вот юридический парадокс... Ну, Олег, как только освободился тогда, сразу в полицию. Там ему то же самое повторили, что я тебе сейчас сказал. Он в прокуратуру. А в прокуратуре – знаешь, как интересно получилось? Объяснили ему в прокуратуре по-простому, по-свойски: мол, понимаете, у нас в Саратове не принято дела по статье за самоуправство заводить. Ну, не принято. Нет такой, знаете ли, исторической традиции. Не хотим, объяснили, создавать прецедент. А то таких жалобщиков полгорода набегит, расхлебывай потом... Как Олег сдержался и не рассказал там все по камешку – не знаю. Я вот лично – не сдержался бы.

Проговорив это, Гога приложился к бутылке еще раз и... вдруг обмяк, расплылся на сиденье, как медуза.

– О-о, наконец-то... – произнес он голосом уже совсем другим, нечетким и зыбким. – То... Торкнуло... Что за огра... организм у меня такой? Пью-пью, и не берет. А когда нормы своей достигну – разом развозит... Ты, Игорь, зубами-то не скрипи... Мне было сказано –

тебя аккуратненько в курс дела ввести и до... домой доставить. Чтобы ты денек отдохнул. Не веришь? На телефон, сам Олегу позвони...

Гога извлек из кармана сигаретную пачку и протянул ее Двухе.

– Звони, звони! – подбодрил Витька Игоря, с недоумением глядящего на пачку. – Не хочешь? Тогда я сам позвоню... Алло! Алло! Кто у аппарата? Никого?.. Занят, наверное... Ну, ничего! – подмигнул Гога. – Ты знаешь, зачем я-то в Саратов прибыл? О-о, брат!.. Я бри... ври... прибыл, потому что, кроме меня, никто с этим делом лучше не ра-разберется! Олег пусть с ментами бо... бодается, а я дело на бри... ври... принципиально новый уровень выведу. Я этому делу огласку придам! Да какую! Федерального масштаба! Я тут всех построю! Я у нас в Москве – ого! Большой человек! Общественный! Как... туалет... Я в Кремле был! С экс... экскурсией...

Глава 3

Январь 1992-го, г. Саратов.

Джип Сани Фрица, ревя, летел по окраинной улице Саратова. Саня Фриц не утруждал себя соблюдением правил дорожного движения, и прочие водители, с готовностью признавая за ним это право, беспрекословно давали дорогу, как испуганные крестьяне скачущему во весь опор рыцарю. А тем, кто оказывался недостаточно расторопен, Саня Фриц, гневаясь, надрывно сигналил и, высунув голову под гул встречного ветра, орал замысловатые угрозы. Впрочем, как понимал уже Ион, сидящий рядом с Саней, то были не просто угрозы. А – предупреждения. У таких, как Фриц, слова с действиями расходились редко.

В перерывах между громогласными посулами вроде «я те, сука, башку в жопу заколочу, дальше колесом покатишься...» Саня лающе хохотал и лупил кулаком по рулю. Он выглядел чрезвычайно, взвинченно веселым, Саня Фриц. Иона эта веселость несколько настораживала – уж слишком Фриц был возбужден и чересчур назойливо демонстрировал свое ликование. А если человек старается выставить что-то напоказ, значит, ему это зачем-нибудь да нужно. Вероятнее всего, затем, чтобы за показным спрятать что-нибудь другое.

– Большое дело ты сделал, братан! – рявкнул в очередной раз Фриц и с размаху хлопнул Иону под колену. – В натуре, большое дело!..

Капрал поморщился, шевельнув ногой, на которую пришелся дружеский шлепок. Бедро Иона было прострелено навывлет несколько часов назад, и боль под окровавленной повязкой еще не улеглась зудящей мукой, а горела остро и свежо. Капрал в очередной раз с тоской вспомнил о своей аптечке. Эх, сюда бы ее – через пару дней от сквозной раны остался бы едва заметный шрам. Уровень же местной медицины оказался удручающе низок... Подумать только, продолжительность жизни аборигенов в среднем – каких-то пятьдесят – семьдесят лет! А не сто тридцать – сто сорок, как полагается...

– Серегу Жида вместе с Женей Калганом отправил чертей в сортир возить! – продолжал радоваться Саня Фриц. – И весь основняк бригады ихней следом пустил... Ну, даешь, Капрал! Теперь – все! Теперь весь город наш. Никто словечка против не ляпнет. Удружил ты боссу, братан, удружил. Поднимет он тебя теперь – мама не горюй! Да и бабла отсыпет – хрен унесешь. Он такой, Батый: дерьмо не забудет, но и ништяк помнит. Ну, скоро сам убедишься. Ща-ас с ним познакомишься...

И снова показалось Иону, что в этой последней фразе скользнуло что-то неясно тревожное...

Джип Фрица вымахнул за город, пролетел десяток километров по трассе и с визгом свернул на чернеющую свежеположенным асфальтом дорогу поуже, в одну только полосу. Впереди показался поселок, юный еще, состоящий из дюжины недостроенных коттеджей, на стенах половины из которых копошились рабочие. Над поселком на пологом холме возвышался многоэтажный особняк. Не особняк даже, а полноценный замок (снова пришло Иону на ум средневековое сравнение) с башенками и шпилями, окруженный могучей стеной в два человеческих роста.

– Вона, гляди! – кивком указал Фриц на особняк-замок. – Какую хрень прикольную себе наш Батый отгрохал! Он мужик с выдумкой. Так что, как увидишь его, не удивляйся...

Батый оказался хитроглазым коренастым мужичком, каким-то тяжелым на вид, точно неряшливо слепленным из кусков сырой глины. Чистокровным азиатом он явно не был, но по меньшей мере одна из ветвей его предков проклянулась из вылизанной ветрами земли, где располагалась ныне республика Монголия.

Облаченный в расшитый синими сабельными узорами халат, Батый восседал, поджавши под себя ноги, на цветастой подушке во главе широкого, но очень низкого (в ладонь всего высотой) стола, уставленного бутылками шведского «Абсолюта» вперемежку с исполинскими мисками нарубленной крупными кусками отварной баранины. Алая тубетейка игрушечного размера непрочно помещалась на голой и круглой голове, а за пояс халата была заткнута кривая сабля в расписанных позолотой ножнах.

Видно, в эксплуатации образа могущественного хана, сокольничим которого, как известно, покорно соглашался стать сам Император священной Римской Империи, была Батыю прямая выгода.

За тем же низким столом сидел, неудобно раскидав ноги, еще один мужчина: пузатый, очкастый, одетый вполне по-европейски – в модный двубортный пиджак, водолазку и широкие брюки. При взгляде на пузатого Ион тут же подумал, что этого человека, явно чувствующего себя здесь не в своей тарелке, он уже где-то видел.

Кроме Батыя и пузана в очках, в комнате, куда Фриц ввел Иона, находились еще трое – обыкновенные братки традиционного облика и стандартных конфигураций. Этих троих, смиренно помещавшихся на диванчике у стены, Ион совершенно точно никогда раньше не встречал.

– О-о-о! Какие люди в Го-о-оливуде!.. – вибрируя голосом на восточным манер, пропел Батый строчку из песенки, которую Ион за неполные две недели в этом мире слышал не менее сотни раз. – Вот он, герой наш! Проходи, присаживайся! Весь день тебя ждал – есть-пить не мог.

Последнее заявление вряд ли соответствовало истине. Губы Батыя лоснились от жира, а в пиале, которую он держал в руке, плескалась – судя по цвету и едкому запаху – шведская водка.

Фриц сзади похлопал Иона по плечу – последний удар вышел намекающе тяжелым. Капрал понял и опустился на колени перед столом там, где и стоял. Фриц одобрительно кашлянул, отступая к стене.

Очень не понравилось Иону место, куда его усадили. Диванчик, где отдыхали братки, располагался прямо за спиной, – наличие троих незнакомых и, скорее всего, вооруженных людей позади ощущалось ледяным сквознячком в поясницу. Капрал немедленно рыскнул глазами по сторонам – и остановил взгляд на небольшом телевизоре, укрепленном на полочке на стене напротив. Телевизор был выключен, и на темном его выпуклом экране Ион не без труда разобрал отражение этих троих – отражение нечеткое, но вполне достаточное, чтобы погасить взметнувшийся приступ тревоги.

Фриц, – не поворачивая головы, сумел проследить Ион, – присоединился к браткам, присев рядом с ними на диванчик.

– Вот, Рашидка! – проговорил тем временем Батый, подхватив с ближайшей миски кусок сочащегося жиром мяса и ткнув этим куском в сторону Иона. – Вот какие кадры! А?! Не чета вашим! Есть у тебя такие люди, как наш Капрал?! Нет! Ни у кого нет! А у меня есть! Ты уж, поди, слышал, что он сделал, а? Вкатился, понимаешь, тихой сапой в кабак, руки в брюки, все дела... Подождал маленько, пока на него внимание обращать перестали. И пошел шмалить сразу с двух стволов! Как ковбой какой-нибудь! Жида и Калгана одновременно скопытил! Следующими двумя выстрелами телохранителей их, которые ни хрена понять не успели, уgomонил! Ну, а потом уж остальных... Каждому маслинка досталась. Что молчишь, герой? – повернулся Батый к Иону.

– Что добавить? – пожал плечами тот. – Все верно сказано.

– А ведь было, бы-ыло у меня подозреньеце... – Батый снова обратился к пузатому, подмигнул ему, – что Ваня-то под прикрытием работает.

Пузан вскинулся, чтобы что-то сказать, но Батый махнул на него рукой:

– Да не на ваших работает, успокойся! На того же Серегу Жида. Сам посуди: объявился в городе человек, весь из себя такой крутой-навороченный. К пацанам моим прибился. А кто да откуда – неизвестно. Насчет прошлого отмалчивается. Поневоле задумаешься, что неспроста вся эта канитель. А он и Серегу Жида, и Женю Калгана... – Батый уронил на стол кусок мяса и сложил ладонь подобием пистолета, затряс ею, «стреляя» в Иона. – Пах! Пах! Пах!..

Капельки жира, сорвавшись с пальцев Батыя, попали капралу в лицо. Но вовсе не это обстоятельство заставило Иона вздрогнуть – в отражении на темном экране выключенного телевизора он увидел, как трое братков задвигались на своем диванчике, – очевидно, это «пах-пах» играло роль условного знака.

Резко приподнявшись, Ион выпростал из-под себя ногу и с силой толкнул столик на Батыя – тот опрокинулся навзничь, сверзившись со своей подушки. Со столика слетела одна из бутылок «Абсолюта» – Ион подхватил ее и, уже успев развернуться к парням на диванчике, метнул в того, кто первым вытащил пистолет. Бутылка угодила краем массивного доньшка точно в середину лба братка, моментально вышибив из парня сознание.

Ион вскочил на ноги.

Он не успел войти в ярь, конечно. Но и без того вряд ли кто в городе, а, быть может, и во всем этом мире мог бы успешно посостязаться с ним в силе и ловкости.

Второму братку не удалось даже выхватить пистолет. Ион приложил его хлестким ударом в челюсть, и тот, закатив глаза, так и сполз по стенке вниз – с рукой за пазухой.

Третий браток пистолет достал, но выстрелить бы точно не решился. Ион, подскочив вплотную, выкрутил и зафиксировал ему руку так, что дуло пистолета уперлось парню под подбородок.

– Ослобони... – ласково попросил капрал, глядя прямо в побелевшие от ужаса глаза братка.

Парень тут же разжал пальцы стиснутой Ионом руки. Капрал не дал пистолету упасть на пол, поймал на лету – в следующее же мгновение мощным ударом лба в переносицу отправил братка в глубокий нокаут.

Дальше было совсем просто.

Свалив ногой окостеневшего от испуга и неожиданности Фрица с диванчика, капрал прикрикнул:

– Лежи. Встанешь – убью...

Затем с пистолетом в руке развернулся к недавним своим сотрапезникам.

Мужчина в очках скорчился на полу, обняв трепещущее пузо. Он громко и сипло дышал открытым ртом, глаза его были выпучены настолько, что, казалось, соприкасались со стеклами очков.

Ион вдруг вспомнил, где и когда видел этого человека. Сегодняшним утром в телевизионном выпуске местных новостей. Мужчина этот (как сообщала подпись внизу экрана – областной прокурор) с искренним жаром уверял телезрителей, что с организованной преступностью в городе будет покончено в кратчайшие сроки...

– Лежи, – сказал Ион и прокурору. – Встанешь – убью.

Батый стоял на одном колене, вроде как сомневаясь – стоит ли подниматься во весь рост или пока погодить. Ион не удержался от удивленной усмешки, увидев в руке Батыя саблю, освобожденную уже от ножен.

– Резвый ты мужик, Ваня... – медленно проговорил бандит, все-таки вставая на ноги. – Ох и резвый... Или Фриц, гадина, переметнулся – предупредил тебя?.. Ладно, уже не важно. Конец вам обоим. Шмалять думаешь? Шмаляй, Ваня, шмаляй. Только учти – на звук выстрела сюда через две секунды человек тридцать прибегут. На всех боезапаса-то хватит?

Капрал выстрелил не целясь. Батый дернул головой (под левым глазом у него обозначилась черная точка, тотчас засочившаяся кровью), качнулся... И, выронив саблю, рухнул лицом вниз на стол.

– Весьма неуклюжая попытка, – сказал Ион, ставя пистолет на предохранитель и убирая в карман. – Сомневаюсь, что обитатели дома не предупреждены о предстоящей стрельбе... Так ведь? – он шагнул к Фрицу.

Саня дернулся, словно в попытке отползти. Но вовремя остановился.

– Так... – хрипнул он, блуждая глазами, стараясь не смотреть Иону в лицо. – Не стреляй, не надо. В доме быков полно, сам ведь видел... Без меня не выберешься!

Капрал подобрал пистолет, выпавший из рук парня, вырубленного им первым.

– Отчего же? – произнес он, обезоруживая и второго бесчувственного братка. – Проби-ваться боем – шансов немного, верно. А ускользнуть бесшумно – весьма и весьма вероятно.

– Я закричу! – пискнул Фриц.

– Закричишь – убью, – коротко предупредил Ион. Рассовав пистолеты по карманам, он вернулся к телу Батыя и поднял саблю. – Благородное оружие... – негромко произнес он, проведя ногтем по изогнутому лезвию. – Негоже оставлять его – таким...

Похоже было, что капрал не очень-то спешил осуществлять свой план. Что-то удерживало его в принятии окончательного решения. И Фриц заметил это.

– Ваня! Ваня! Послушай меня! – заторопился он, инстинктивно чувствуя, что сейчас только откровенность может спасти ему жизнь. – Считаешь, у меня выбор был, да? Мне приказали – я сделал. Мне такие дела не того... удовольствия не доставляют. Сам покумекай: такое великое мочиловое! Что мусора землю носом рыть будут – это не так страшно. А вот сходняк всероссийский с Батыя за беспредел спросил бы – это уже... серьезней! При таком раскладе всегда исполнителя убирают, чтоб доказательств не осталось никаких! А ты – погон, зеленый мусор... Ну, военный, то есть, если по-нормальному, не по-блатному... Ты ж тему не сечешь, не мог того знать. Вот Батый и...

– Отдал меня на закланье.

– Нет. То есть да... А ведь я тебе, Ваня, лазейку оставлял! – вдруг выдохнул Саня. – Вот те крест, оставлял, вот те крест! – повернувшись на бок, он дважды истово перекрестился. – Я ж тебя не сразу после дела забрал, почти что целый день у тебя был – чтобы допереть, что к чему, и на лыжи встать. А ты, Ваня? Ты, может, мутняк какой и подозревал, а башли обещанные глаза тебе застили... Скажешь, не так?

В чем-то он был прав, Саня Фриц. Мысли о том, что не стоит безоговорочно верить посулам преступников, покаявали Иона и до «великого мочилова», и сразу после оногo. Само собой, вовсе не деньги привлекали его...

Фриц приподнялся на локте:

– Я тебя выведу отсюда, братан! Тачану подгоню помощнее. Ну и бабок, естественно, подкину...

Тут неожиданно дала трещину скорлупа оторопи, до поры удерживавшая прокурора.

– Ты что наделал-то?! – застонал он, раскачиваясь на боку. – Ты кого завалил, идиот?! Ты знаешь, что теперь начнется!..

Ион повернулся к нему. И нахмурился:

– А ты-то к чему здесь?

Саня Фриц не дал прокурору ответить.

– Непонятно, что ли? – воскликнул он. – Батый тебя, Ваня, у него на глазах грохнуть собирался. Чтобы, значит, кровью его к себе привязать. Вот так вот: не только тебя одного, Ваня, втемную развели...

– Ты что натворил?! – не слушая, скулил прокурор. – Кровь же рекой польется! Город же теперь кровью захлебнется... Такая грызня начнется! Безвластие! Анархия!..

– Закройся ты, мусор! – рявкнул на него Фриц. – Не вой, а то пузо лопнет! Ваня, ну ты как? А? Ваня? Чего молчишь?..

– Кто город держать будет? – все не мог успокоиться прокурор. – Кто город держать будет?!

– Ваня!.. Ваня!.. – звал и звал Фриц. Взгляд его был воткнут в Иона, застывшего в раздумьях, а рука, которой Саня только что крестился, мелкими толчками продвигалась по бедру – назад, к пояснице.

У капрала Иона Робуста оставалось не так много времени, чтобы определиться с дальнейшими действиями. Впрочем, выбирать ему было особо не из чего.

Он обязан выжить здесь. А чтобы здесь выжить, необходимо следовать местным правилам.

Коротко и зло цыкнула изогнутая сабля. Саня Фриц осекся, вымолвив только:

– Ва... – и замолчал, криво распылив вмиг посиневшие губы, уставившись на свою правую руку, оканчивающуюся уже не кистью, а кровавым обрубом.

Кисть же, пальцы которой все еще обхватывали рукоять пистолета, оплывала кровью на полу.

– Будешь кричать – убью, – предупредил Фрица Ион и вытянул саблю к прокурору:

– Недоумеваешь, кто город держать будет? – спросил он и сам же себе ответил: – Я. А вы двое мне в том пособите. Мы ведь кровью повязаны. Разве не так?

* * *

Вечером того дня, когда Игорь Двуха покинул следственный изолятор, красная «восьмерка», старенькая, но ухоженная, припарковалась у обшарпанной пятиэтажки, одиноко стоящей на краю пустыря, в глубине которого несуразно громоздился какой-то давний недострой, похожий на развалины средневекового замка.

Водитель «восьмерки», выходя из автомобиля, споткнулся о разбитую пивную бутылку. Поморщился... глянул по сторонам и, заметив невдалеке мусорные баки, двинул туда, подобрал бутылку.

Водитель был молод. Манерой одеваться и прической он напоминал типичного «славного парня-милиционера» из советских фильмов семидесятых годов – и, кажется, знал об этом; и, кажется, сознательно культивировал в себе это сходство.

Выбросив в бак бутылку, он пошел обратно. Пара сторбленых, как шахматные кони, старушек, прогуливавшихся вдоль дома, явно оценили поступок «славного парня» – одобрительно проклекотали, когда он проходил мимо них:

– Какой воспитанный молодой человек... не то что наши охламоны...

Водитель «восьмерки» завернул за угол дома, направляясь к пустырю. И тогда одна из старушек, видимо решив вознаградить парня за явленный пример «правильного воспитания», взмахнула лыжной палкой, используемой в качестве трости, и засемила следом:

– Сынок, погоди! Стой-ка, погоди!

Парень остановился, обернулся.

– Ты не туда ли идешь? – осведомилась старушка, приблизившись, и указала палкой на безобразную громаду недостроя.

– Туда, мамаш, туда, – подтвердил парень.

– Не надо, не ходи! – затрясла «мамаша» аккуратной укутанной в косынку головой. – Нехорошее это место, совсем плохое!

– Не беспокойтесь... – начал было парень, но тут подоспела вторая старушка.

– И раньше-то плохое место было, – с ходу начала рассказывать она. – Наркоманы там собирались, пьяницы всякие – каждую неделю убийства устраивали... А теперь и вовсе – еще хуже стало.

– Почему это – хуже? – вдруг заинтересовался парень.

– Секта там поселилась, – драматическим шепотом сообщили ему. – Чертям молятся. Такие дела творят – с ума сойти.

– И какие же дела там творятся?

– А известно какие, – сказала старушка с лыжной палкой. – Сектантские дела. Наши-то охламоны местные второго дня пошли посмотреть... На стену залезли. А там – у-у-у... Такое! Сектантов-то тех черти так и крутят, так и крутят. Швыряют, как хотят! То в окна, то из окон...

– Так-таки самых настоящих чертей видели? – спросил парень. – Охламоны-то ваши?

– Да рази ж чертей увидишь простым глазом! – затрещали хором старушки. – Невидимые они для нормальных людей. Кажется, что сектанты сами собой летают... А потом охранщики сектантские набежали, и охламоны наши со стены-то поспрыгивали. И деру, и деру оттудова! Конечно, такого страху натерпеться!.. А Лешка Горохов – он ногу сломал, когда со стены бахнул, а все равно до самого дома летел, не замечал, что болит нога-то...

– Все правильно, – пожал плечами парень. – Если территория охраняется, значит, нечего на стену лезть. Пришли бы ваши охламоны по-человечески, через ворота, коли уж им так интересно, – совсем другой с ними разговор был бы.

– Да какой там с ними, сектантами, разговор!.. – всплеснула руками старушка с палкой. А ее товарка вдруг разинула беззубый рот и ахнула:

– Паловна, он же сам из этаких – из сектантов-то!

– Не совсем, – признался парень. – Я, скорее, из охранщиков.

Но старушки уже не слушали его. Бодро засеменили прочь, размашисто крестясь на ходу.

Парень, усмехнувшись, ступил на расстилавшийся прямо за домом пустырь, изрытый ямами и рытвинами, скалящийся торчащими из земли ржавыми железяками. Через несколько минут он уже остановился у ворот окружавшего недострой забора. На воротах красовалась свежая табличка: «Территория охраняется ЧОП «Витязь».

Стучаться парню не пришлось, – одна из створок ворот, заскрежегав, открылась.

– Будь достоин, Никита, – густым басом проговорил огромный Мансур.

– Долг и честь, – ответил Никита Ломов, проходя за ворота.

Мансур закрыл снова створку, лязгнув тяжелым засовом.

– Слушай, – сказал Никита. – Два дня назад ты здесь дежурил?

– Я, – ответил Мансур. – А что?

– Да ничего... Ну и здоровый же ты. О тебе, если хочешь знать, местные жители во множественном числе высказываются.

Мансур пожал плечами. Видимо, подобные заявления он давно привык воспринимать как должное.

– Игоря освободили, знаешь? – сказал Никита. – Сегодня утром.

– А то! – Мансур расплылся в улыбке. – Как сменюсь, сразу к нему, мамой клянусь!

– Привет передавай. И извинение от всех нас, что встретить не смогли. Пусть денек отдохнет – и я его у себя жду.

– Передам, конечно, о чем разговор!

Никита двинулся дальше, лавируя между башнями сложенных плит, окаменелых куч песка и щебня. Через пару десятков шагов он вышел на группу парней, увлеченных, как могло показаться со стороны, дикой и жестокой игрой. Пятеро закидывали обломками кирпичей, булыжниками и кусками арматуры одного. «Расстрельная команда» метала снаряды безжалостно, прицельно и с большой силой, а «жертва» с небывалой ловкостью уворачивалась – прыгала из стороны в сторону, перекатывалась по земле... и, что самое удивительное, иногда

умудрялась перехватить на лету какой-нибудь из снарядов и метнуть обратно в «противника». Это жутковатое действо проходило в почти полной тишине, никто из парней не произносил ни слова, не подбадривал себя криком. Только шуршали по земле стремительные шаги, упруго свистели рассекающие воздух кирпичи, камни и железки. Ломов углядел, как увесистый обломок кирпича, скользя над головой «жертвы», угодил в грудь переломанных плит, с треском разлетелся в мелкую крошку, – и поежился. Одно попадание легко могло отправить расстреливаемого паренька если не на кладбище, так в больницу...

Никиту заметили. Град снарядов моментально стих.

– Будь достоин! Будь достоин!.. – вразнобой приветствовали Ломова парни.

– Постигающие первую ступень Столпа Величия Духа приветствуют тебя на Полигоне! – шутливо добавила «жертва».

– Долг и Честь! – ответил Никита.

И продолжил путь. «Полигон» – так среди своих назывался этот недострой, где проходили те из тренировок, которые... нежелательно было бы видеть посторонним. Во избежание лишних слухов и ненужного ажиотажа.

У самого здания, возведение которого остановилось несколько лет назад на уровне четвертого этажа, Ломов снова приостановился. Чуть нахмурился, прислушиваясь... И, резко ускорив шаги, отошел в сторону.

Тотчас из пустых окон четвертого этажа рыбкой – как прыгают пловцы в воду – вылетели трое. Они не разбились, грянувшись о землю, они даже, кажется, не ушиблись. Приземлившись синхронно и неожиданно мягко, они перекатились через головы и вскочили на ноги.

Эти трое были гораздо моложе той шестерки, на которую наткнулся Никита минуту назад, – совсем дети... вернее, подростки, лет по четырнадцать – пятнадцать.

– Будьте достойны! – поздоровался Ломов.

– Здрасте! – ответили двое. Только один спохватился:

– Здра... То есть... Долг и Честь!

– Олег здесь?

– Здесь, на этажах где-то!

Ломов вошел в единственный, лишенный дверей подъезд. Пацаны рванули за ним, обгоняя, звонко и мелко топоча. Никита не успел преодолеть первый лестничный пролет, а они уже взлетели на пару этажей выше.

На лестничной площадке первого этажа Никита задержался. Из лабиринтов пустых квартир доносились какие-то стуки, звуки ударов, деловито и энергично перекликались несколько голосов.

– Олег? – позвал Ломов.

– Выше! – тут же ответили ему.

– Выше так выше... – пробормотал Никита, поднимаясь на второй этаж.

Здесь было потише. Никита вошел в первую попавшуюся квартиру через дверной проем, не снабженный даже косяками.

– Начинайте, когда будете готовы! – услышал он, следуя длинной прихожей, знакомый голос. – Только по одному!

Ломов заглянул в комнату, откуда долетел голос.

Прямо напротив него у стены неподвижно стояли друг подле друга трое подростков: парнек лет шестнадцати, девчонка того же примерно, возраста – и еще один, помладше этих двоих года на три. Подростки не могли видеть Никиту: опустив головы, они держали открытые ладони на уровне склоненных лиц – как будто читали что-то с этих ладоней.

А в центре комнаты спиной к Никите стоял молодой мужчина в спортивном костюме. Стоял расслабленно, отставив одну ногу, подбрасывая в руке детский резиновый мячик размером с яблоко. Звали мужчину Нуржан Мухамедович Алимханов. Когда-то они с Ломовым

служили в одном оперативном отделе полиции. Сейчас Алимханов трудился воспитателем и преподавателем физической культуры в Саратовском детском доме № 4 и наряду с этим являлся полновластным и общепризнанным руководителем и главным инструктором Полигона. Излишне говорить, что занятия, которые он тут проводил, не имели ничего общего с рекомендованной Министерством образования программой физвоспитания.

– Готовьтесь, сколько понадобится, – проговорил Алимханов. – Торопиться не надо...

Привет, Никита... – негромко добавил он, не оборачиваясь.

– Виделись сегодня.

– Олега ищешь?

Ломов не успел ответить. Парнишка – тот, что постарше, – вдруг сорвался с места и ринулся к Нуржану, явно намереваясь выхватить у него мячик. Нуржан спокойно перекинул мячик в другую руку, одновременно чуть сдвинувшись в сторону. Паренек пролетел мимо него, едва не врезался в Никиту.

– Плохо! – гаркнул Нуржан. – Никуда не годится! Не так надо!

Паренек, насупившись, отошел в сторонку. Тут же к Алимханову прыгнула девчонка. Прыжок оказался стремителен и неожиданно короток – девчонка приземлилась в шаге от Нуржана, пригнувшись, скользнула было ему за спину... и, сразу же вернувшись обратно, резким ударом попыталась выбить мячик. Нуржан не поддался на обманный маневр – кулак девчонки шлепнул по его пустой ладони.

– Плохо! – снова гаркнул он и поймал мячик, который за мгновение до этого сильным поворотом кисти бросил о стену. – Еще и ловчишь... Плохо! Не так надо!

Никита перевел взгляд на третьего парнишку... и вздрогнул. Пацаненок этот, вот только что стоявший у стены, исчез... попросту испарился. Никита зашарил глазами по комнате, ища, куда тот мог подеваться.

– Наконец-то! – услышал Ломов удовлетворенный голос Нуржана. – Вот как надо!

Невесть откуда появившийся парнишка стоял рядом с Алимхановым, стоял, тяжело дыша, сжимая обеими руками резиновый мячик.

– Видали? – спросил Нуржан у провалившей задание пары.

– Как тут увидишь... – буркнула девчонка. – Шмыгнул так, что взглядом не уследишь...

– А я от вас чего добиваюсь? Двигаться, чтобы тебя видно было, любой дурак сможет. Это вам первая ступень Столпа, а не кружок фитнеса! Сила не здесь, сколько раз можно повторять! – Нуржан сердито постучал кулаком правой руки по бицепсу левой. – А здесь! – он шлепнул себя в лоб. – Научиться чувствовать ее и высвободить – вот в чем штука! Полностью подчинить себе свое тело – вот в чем штука!

– Нуржан, где Олег-то? – дождавшись паузы, спросил Никита.

– Здесь где-то был, – неопределенно покрутил головой Алимханов.

Ломов вышел в прихожую. Заглянул в соседнюю комнату, откуда донеслось какое-то невнятное мычание. Посреди комнаты сидел на корточках долговязый, очень худой парень в очках с толстенькими линзами – баюкал у груди руку со сбитыми в кровь костяшками пальцев. «Из новеньких, – вспомнил Никита. – Не детдомовец. Нуржанов сосед по двору. Ну и ботаник по виду... Нуржан его от ночной гоп-компании отбил, а ботаник на следующий день к нему в гости приперся: научите, мол, защищаться... Надоело так жить. Никогда и никого не хочу больше бояться...» Вот Нуржан и привел очкарика... только не на Полигон, конечно, а в детдом сначала. По правилам, раз и навсегда установленным Трегреем, к постижению Столпа Величия Духа допускались только те, за кого могли поручиться не менее трех соратников, продвинувшихся дальше первой ступени Столпа. Пришлось очкарику в течение нескольких месяцев искать себе поручителей из числа детдомовцев. Нуржан же на первое время ограничился тем, что порекомендовал его в штат хозобслуги. А то кто ж разрешит чужаку, пусть ему сам Алимханов покровительствует, просто так, без дела, по территории детского дома болтаться?..

– Ты чего тут? – поинтересовался Никита. – По стене, что ли, молотил? Почему без инструктора? Ты ж новенький... Покалечиться хочешь?

– Да он занят же... – поднимаясь на ноги, стесненно пробормотал «ботаник». – Сказал, отдыхай пока, рано тебе еще в мячик играть...

– А ты, значит, отдыхаешь?

– Тренируюсь... – бормотнул парень, неловко поправляя очки.

– С умом надо тренироваться, – внушительно проговорил Ломов. – И с инструктором.

– А вы? – вдруг спросил «ботаник». – Вы... не инструктор? Можете показать, как правильно?..

– Я-то? Я-то, конечно, не инструктор, – сказал Никита.

– Жаль... – разочарованно вздохнул очкарик.

– Но кое-что тоже умею, – уязвленно добавил Никита.

– Правда?! – вскинулся парень. – Покажете?

Вообще-то лучше было отказать очкарику. Но ведь Никита действительно кое-что умел. И потом... давно задевало его, что почти все ребята из «Витязя» поднялись уже на первую ступень Столпа Величия Духа, а он (начальник!) дальше азов не продвинулся, отговариваясь тем, что, дескать, времени нет на тренировки. Времени, положим, и в самом деле из-за всех забот было маловато, но... другие-то как-то успевали. А если уж совсем честно, то неловко было Никите возобновлять прерванные когда-то занятия по одной простой причине – неумехой же будет смотреться на фоне соратников, ушедших далеко вперед!

А сейчас... что-то мальчишеское взыграло в нем в ответ на просящий взгляд из-за толстых линз.

– Покажу, чего уж там... – с преувеличенной уверенностью проговорил Никита, снимая пиджак. – На-ка, поддержи... Главное – войти в боевой режим. Сначала это непросто и занимает довольно много времени. Зато потом – переключаешься автоматически, почти без усилий... Правда, я еще так не умею, – следовало было добавить Никите, но он, конечно, вовремя остановил себя, сказав вместо этого: – Нарочно медленно буду показывать, чтобы ты лучше понял...

Он медленно и длинно выдохнул, освобождая голову от мыслей. Задержал дыхание на несколько секунд, особым способом – как учил Олег – напрягая и расслабляя определенные группы мышц. Тело почти сразу стало очень легким. Никита открыл глаза; окружающая его действительность изменилась, – он точно отстранился от мира, ставшего блеклым и медленным. Что-то горячее растеклось в животе... упругими мощными толчками распространилось по телу, ударило в конечности.

Никита поднял руки, шагнул к стене, стараясь не упустить ощущение пробудившейся внутренней силы.

И резко выбросил вперед сжатый кулак.

«Ботаник» восторженно охнул, глядя, как осыпается бетонное крошево из внушительной вмятины в стене.

– Как-то так, – с небрежностью, впрочем, несколько преувеличенной, проговорил Ломов.

Мир снова стал прежним. И тут же заныли виски, заворочалась в голове тяжелая и липкая, какая-то пластилиновая боль. «Сейчас должно пройти, – напомнил себе Никита, стараясь не выдать появившуюся вдруг дрожь в ногах. – Надо все же начать, наконец, тренироваться...»

– Значит, запоминай, что тебе нужно делать... – начал было Ломов объяснения, но был прерван появившимся за спиной Нуржаном:

– Никит, ну что за е-мое? Я детей ругаю, а ты... Давай весь Полигон разнесем, чего уж тут мелочиться!

– Ладно, ладно... – захмыкал Ломов, надевая пиджак. – Продемонстрировал просто, чего такого-то? Между прочим, твою работу делать помогаю...

– Да я вроде справляюсь. Слушай, я серьезно...

Алимханов явно был настроен распекать Никиту и дальше, но тут неподалеку зазвенел взволнованный мальчишеский голос:

– Эй, все сюда, быстрее! Тут такое творится!..

«Такое» творилось на длинной лоджии, соединявшей две квартиры на одной лестничной клетке. Теснимый со всех сторон любопытствующей публикой, Никита плотно увяз в проходе.

– У него получилось! – восторженно крикнул кто-то с другого прохода. – Нуржан Мухамедович, я свидетель, у него получилось!

– Не напирайте, не напирайте! – услышал Ломов позади негромкий голос Нуржана. – Все отошли назад! И не шумите!.. Виталик, ты как?

Пацаненок лет тринадцати сидел посреди лоджии на корточках, опершись одной рукой о пол. Он часто и мелко дышал. Лицо было бледно и мокро – частые капельки пота падали с волос, усеивая бетонный пол черными веснушками. Прямо перед пацаненком (Никита вспомнил его фамилию – Гашников, Виталик Гашников) возвышался, уперев руки в бока, рыжий, веснушчатый и крепкоплечий добрый молодец годков девятнадцати – двадцати от роду. Рыжий этот Ломову тоже был хорошо знаком – Серега Жмыхарев, бывший детдомовец, совсем недавно вернувшийся в родной город откуда-то с Дальнего Востока, где служил срочную службу.

Никите, как только он увидел этих двоих, тут же влетело в голову: великовозрастный здоровяк Жмыхарев решил поиздеваться над бывшим однокашником. Однако мысль эту Никита тут же отмел – как очевидно абсурдную.

– Ты как, Виталик? – озабоченно повторил вопрос Алимханов.

– Нормально, Нуржан Мухамедович... – хриловато признался Виталик.

– Что-то не очень похоже...

– Нормально! – тверже сказал пацаненок и рывком поднялся на ноги.

Его чуть шатнуло, но он быстро поймал равновесие. И тут же объявил:

– Я сейчас еще раз покажу, Нуржан Мухамедович! Я клянусь, у меня получилось! И пацаны многие докажут, они тут были. Да хоть у Жмыхи спросите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.